

КРОКОДИЛ

№ 2 • 1994

ISSN 0130 • 2671

Когда повсюду суета,
Грызня, разлад и невезуха,
Спасти нас может доброта —
Леонова и Винни-Пуха!

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

В этом
номере вам
улыбаются:

Евгений
ЛЕОНОВ

•
Генрих
БОРОВИК

•
Лион
ИЗМАЙЛОВ

И. ЛОСОСИНОВ.

Евгений ЛЕОНОВ: «СТОЙ! СТРЕЛЯТЬ БУДУ!»

деревенский парнишка, можешь убить человека.

Раздражающая доброта

В седьмом классе в моей характеристике писали: «Леонов добрый, хороший, но очень флегматичный». С тех пор прошло много лет, я уже давно живу в других ритмах, и трудно представить, глядя на этот пожелтевший листок, что я был спокойным и улыбочивым. А ведь в школе я даже раздражал одну учительницу: «Я ему двойку поставила, а он все улыбается».

Как я забил шпindelь

В моем интервью журналу «Столица» напечатали, будто, работая токарем на танкостроительном заводе во время войны, я был такой полный, что не мог в танк поместиться. Журналист все перепутал. Это я к сыну поехал, когда он служил (не так уж давно), залез в танк и действительно никак не мог там усесться: обо что-то цеплялся то задом, то головой. Сейчас-то я похудел...

А в войну, хоть я и был тоже не спичка, произошел другой случай. Я, четырнадцатилетний токаришко, на своем станке ТН-19 перевыполнял норму. Впрочем, тогда все были стахановцами и крупным специалистом меня, конечно, назвать было нельзя. И вот я как-то нарезал кусками тонкий прут. Затянул патрон, а прут отчего-то пошел наперекосяк и застрял в шпинделе. Я стал его выбивать другим прутком. Забил в шпindelь тот, которым выбивал. Тогда я стал выбивать прутья чем-то потолще, болванкой какой-то, и забил в шпindelь болванку. Станок перестал крутиться. Я позвал мастера. Он обложил меня трехэтажным матом, взял кувалду и... вывел из строя шпindelь окончательно. Мастер прямо не знал, что со мной сделать. Вызвали бригаду. Насили исправили станок. Все на меня кричат, до слез довели... Но все равно это с юмором вспоминается. Никто ведь не убивал меня. Это теперь люди стали друг другу волки.

Меня спас Блок

Времена тяжелые, военные. Я прочитал какую-то сценку Ивана Горбунова,

был такой актер и писатель в прошлом веке, и страстно захотелось кому-то ее пересказать. Слушатели нашлись на заводе, в цехе, где я работал учеником токаря, и смеялись от души. Потом уже в авиатехникуме, года через два, специально выучил чеховского «Оратора». Сокурсники хохотали до слез.

Это необъяснимо. Видно, сидит в каждом какая-то сила, которая куда-то подпихивает в тоскливые минуты, когда сам не знаешь, отчего смута на душе. На производстве, мечтая достичь звания академика токарного дела, в техникуме, строя планы стать самым главным директором завода, каким-то седьмым чувством ощущал — не мои это дороги. И потихоньку...

Не надеялся, что меня примут в Московскую драматическую студию. Вырядился в пиджак брата, пришел.

Красивая, молодая, хотя и седая женщина — Екатерина Михайловна Шереметева, художественный руководитель, двадцать пять студийцев. Они уже учились. Им интересно, кто еще...

Начал апробированным «Оратором». Какой там хохот!.. Это тебе не авиатехникум — гробовая реакция. И я понял, что проваливаюсь со страшной силой. «Что-нибудь еще есть?» — вежливо спрашивает Екатерина Михайловна. «Есть, — говорю, — Чехов, «Купальня», но это хуже». Тут в первый раз все рассмеялись.

Спас меня Блок. Я очень люблю его стихотворение «В ресторане»: «Никогда не забуду. Он был или не был, этот вечер...» Блок всех заинтересовал. На глазах у меня появились слезы. «О чем это?» — спросил кто-то из жюри. «О

любви прекрасной», — стыдась высоких слов, сказал я.

Вот так судьбе было угодно, чтоб меня взяли.

Почему я стал комиком

Когда меня спрашивают об этом, я смеюсь: «Потому что у меня лицо круглое». Или рассказываю, что, когда увидел в цирке Юрия Никулина, так заливался смехом, что зрители не знали, куда смотреть — то ли на меня, то ли на манеж, вот и присоединился к славе комика.

Не та реакция

Была в пьесе Принцева «На улице Счастливой» роль, одна из первых моих, когда играл я Федьку Рудого, деревенского парнишку, который в Петроград пришел, у него батьку убили на войне, а мамка умерла с голоду. В пьесе такой эпизод: Федька выбегает на сцену с ружьем — он с товарищами патрулирует ночной Петроград — и кричит: «Стой! Кто идет? Стой! Стрелять буду!» Мне показалось: тут интересно представить, что он человека убил. Договорился с режиссером и уже за кулисами орал: «Стой! Стреляю!» — и нажимал на спусковой крючок...

Выхожу на сцену. Потерянно шепчу: «Я человека убил, я человека убил...» Думал, все плакать будет, а в зале — хохот. Потом мне объяснили, что это хороший хохот, после паузы. Это оттого, что зритель не поверил, что ты, чистый

Мой близнец

В пьесе Наума Коржавина «Однажды в двадцатом» я играл профессора Ключицкого. Хорошая роль, и вообще очень интересный спектакль. Была премьера. Зрители вызвали автора. Коржавин взял меня за руку, и все актеры шеренгой пошли кланяться. В зале стон стоял. Оказалось, что мы с Коржавиным издалека — ну просто близнецы. А он такой забавный, в стоптанных сапогах, в каком-то пиджачишке. Поэт. Он бедный, наверно, был. Он был изгоем.

В клетке перед тиграми

Я, быть может, не из смелого десятка, но, когда надо было, чудеса храбрости показывал. Хотя бы в «Полосатом рейсе». Я хорошо помню съемки этого фильма. Помню, как мы приехали на корабль, красивый очень. Ко мне подошли режиссер, оператор и сказали: «Ты не волнуйся, мы придумали очень смешной эпизод. Посадили тебя в клетку, выпустим тигров и посмотрим, что будет». Я говорю: «Нет, я не согласен. У меня семья, маленький сын, я против». Меня, конечно, уговорили, ведь я же дал согласие сниматься в этом фильме. Сами все попрыгали. Режиссер смелый-смелый, а сам залез на мачту, от туда все видно — руководить легче. Оператор спрятался в железный ящик, выставил камеру. Посадили меня в клетку, выпустили тигров. Тигры подошли, понюхали и пошли дальше палубу осматривать. Тигры не бросаются — комедия не получается. Режиссер кричит: «Дрессировщик, почему твои животные не бросаются на артиста?» «Они к нему принохались», — говорит, а сам запикивает ко мне в клетку живого поросенка и шепчет: «Леонов, возьми вилку, поколи поросенка, а то тигры на него не реагируют». Я говорю: «Тебе надо, ты и коли, у меня другая профессия».

Зато что творилось на палубе через минуту, когда тигры учуяли поросенка! Они его через прутья поцарапали, поро-

РАЗГОВОРЧИКИ В СТРОЮ

Ротный собирает солдат и объявляет:

— В следующее воскресенье будет военный парад. Если утром пойдет дождь, парад состоится во второй половине дня. А если дождь пойдет после обеда, парад состоится утром.

Ночью часовой окликнул человека, приблизившегося к его посту:

— Стой! Кто идет?
— Это я, майор Локтев.
— Пароль!
— Черт поberi, забыл. Но ведь ты, Иванов, меня отлично знаешь.

— Конечно, товарищ майор, но ничего не могу поделать. Скажите пароль.

В это время кто-то крикнул из караулки:

— Вася, что ты с ним препираешься? Пристрели его на фиг, и дело с концом!

Командир:
— Кто у нас хорошо поет строевые песни?
Голос из строя:
— Иосиф Кобзон!
Командир:
— Рядовой Кобзон, запевай!

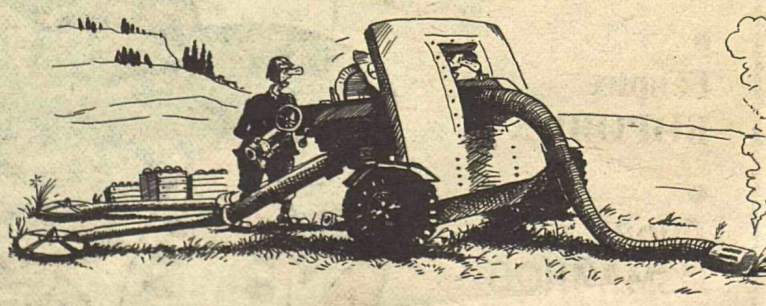
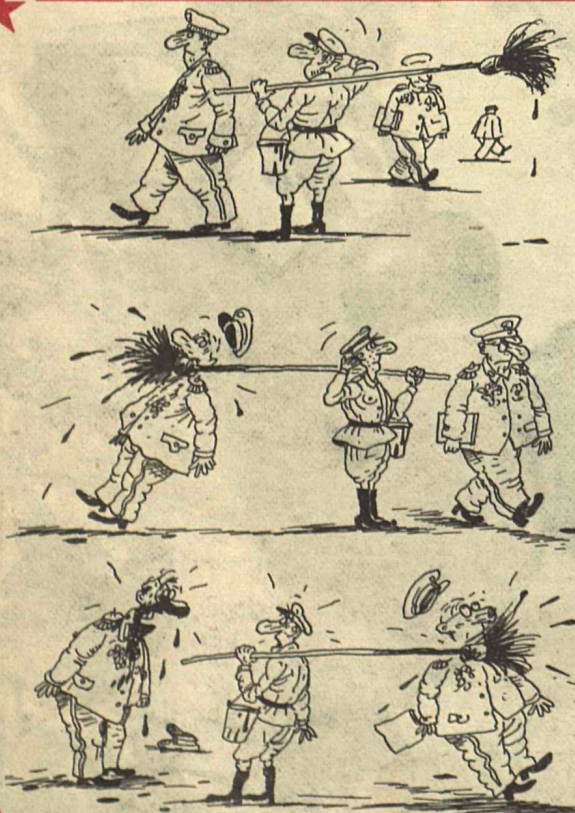
Новобранец жалуется земляку:
— Этот гад старшина закатал меня на губу на четверо суток!
— За что?
— Сперва двое суток не знаю

за что, а потом еще двое за этот самый вопрос!

В увольнительной солдат знакомится с девушкой. Она интересуется, давно ли тот служит.
— Тридцать пять тысяч сорок три часа. — Потом смотрит на часы и вздыхает: — ...и тридцать пять минут.

«Анекдоты с бородой» травил О. МЕРКУЛОВА (Минск), В. КВИТКОВ (Москва) и О. КОДЛОВСКИЙ (п. Коломенск).

◀ В. НЕНАШЕВ, г. Ставрополь. ▶

сенок визжит, тигры от этого еще больше свирепеют. Я кричу, поросенка прижимаю. А поросенок от страха совсем обезумел, на меня стал кидаться.

Тигры рычат, поросенок почти что лает, я кричу: «Дрессировщик, стреляй, не то всех сожрут вместе с палубой!».

Дрессировщик выстрелил — в воздух, конечно, — но тигрица Кальма от всего этого визга и грохота бросилась в море... Целый час ее спасали. И спасли в результате.

Забываемая затрещина

Сын мой Андрюша! Помнишь, ты строил рожи у доски, класс хохотал, а учительница потом долго мне выговаривала? Вид у меня был трижды виноватого, точно я стою в углу, а она меня отчитывает, как мальчишку. Я уже готов на любые унижения, а ей все мало: «Ведь урок сорван... ведь мы не занимаемся полноценно сорок пять минут... ведь сам ничего не знает и другим учиться не дает... ведь придется вам его из школы забрать... ведь слова на него не действуют...»

Пропотели рубашка, пиджак и мокасины, а она все не унимается. Ну, думаю, дам сегодня затрещину, все! С этими мыслями пересекаю школьный двор и выхожу на Комсомольский проспект. От волнения не могу сесть ни в такси, ни в троллейбус, так и иду пешком...

Женщина тащит тяжелую сумку, ребенок плачет; увидев меня, он улыбается, спиной слышу — мать говорит: «Вот и Винни-Пух над тобой смеется...» Незнакомый человек здоровается со мной. Осенний ветерок обдувает меня. Подхожу к дому с чувством, что принял на себя удар, и ладно. Вхожу в дом, окончательно забыв про затрещину, а увидев тебя, спрашиваю: «Что за рожи ты там строил, что всем понравилось, покажи-ка». И мы хохочем.

И так до следующего вызова. Мать не идет в школу. А я лежу и думаю: хоть бы ночью вызвали на съемку в другой город или с репетиции не отпустили бы... Но Ванда утром плачет, и я отменяю вылет, отправившись с репетиции, я бегу в школу занять свою позицию в углу.

Мои собаки и кошки

Первую, спаниеля, мы купили. Вторую мой сын Андрей подобрал на студенчес-

ких каникулах в монинском доме отдыха. Людям делать было нечего, они в кружок встали и били ее. Андрей заступился. Все каникулы собака бегала за ним, а когда он поехал домой, запрыгнула на ходу в электричку. Так появилась у нас Доня. Прожила десять лет, как и спаниель.

Через три года после ее смерти вдруг звонит товарищ моего сына и сын моего друга Виктора Дубровского, говорит: «Мы вам купили на базаре овчарку». Я так подумал: он только что женился, и собаку они купили, конечно, для себя, но беспородная оказалась, и они хотят ее сбыть. Однако сыну я сказал: «Не привози. Овчарка поводок дернет — у меня сразу отвалится голова, рука, зад». Ну а Андрей: «Ах, овчарка? Так мы ее немедленно себе возьмем». И Тимошка стал жить в семье моего сына. Тут же сожрал что-то, написал на полу — гулять же с ним надо. Ну и они быстренько переправили его нам с женой. Тимошка на овчарку никак не тянет. Он красивый, видите, у него глаза какие, любит нас, но он дворовый, конечно. В сторонке стоит. Балда! Диктофона боится...

Еще моя жена Ванда жалеет кошек. Кормит их. Они сами к нам в гости ходят. Были домашними, но хозяйка выкинула их на улицу. Вот, например, Васька. Лет пять назад его выгнали. Но он как-то умеет сохраниться. Их ведь кто-то вылавливает иногда, а он не вылавливается. С собакой они ладят. Хотя на улице Тимошка на него погавкивает, и то не сурово, но дома кот — гость, лицо неприкосновенное. Приходит он к нам каждый день и только ночует где-то «у себя».

Многострадальная дача

Мою дачу обворовывали уже восемь раз. Хотя там везде афишки мои порасклеены: «У! Пасть порву, моргала выколю!» — Доцент из фильма «Джентльмены удачи». Когда одного воришку поймали, он сказал: «Да если б я знал, что тут Леонов живет!» Не смотрят воришки на афишки...

Веселые истории из самого актёра и из публикаций о нем выудил Феликс ШВЕДОВСКИЙ.

3. Идеологический — выполнял Устав КПСС».

«Путем самообслуживания производится уставное бритье лица».

«Почему при выплате пенсии не учитывают моих детей, рожденных на основании Указа Президиума Верховного Совета от 8.07.1944, который запрещал аборт?»

«То и дело показывалась голова часового и, узнав командира, пряталась».

«Условные рефлексы личного состава нуждаются в кропотливом формировании».

«Привычное к бегу тело широкими шагами меряет территорию военного городка».

(Из писем и корреспонденций в военную газету.)

Прислал П. РОМАНОВ, г. Одинцово.

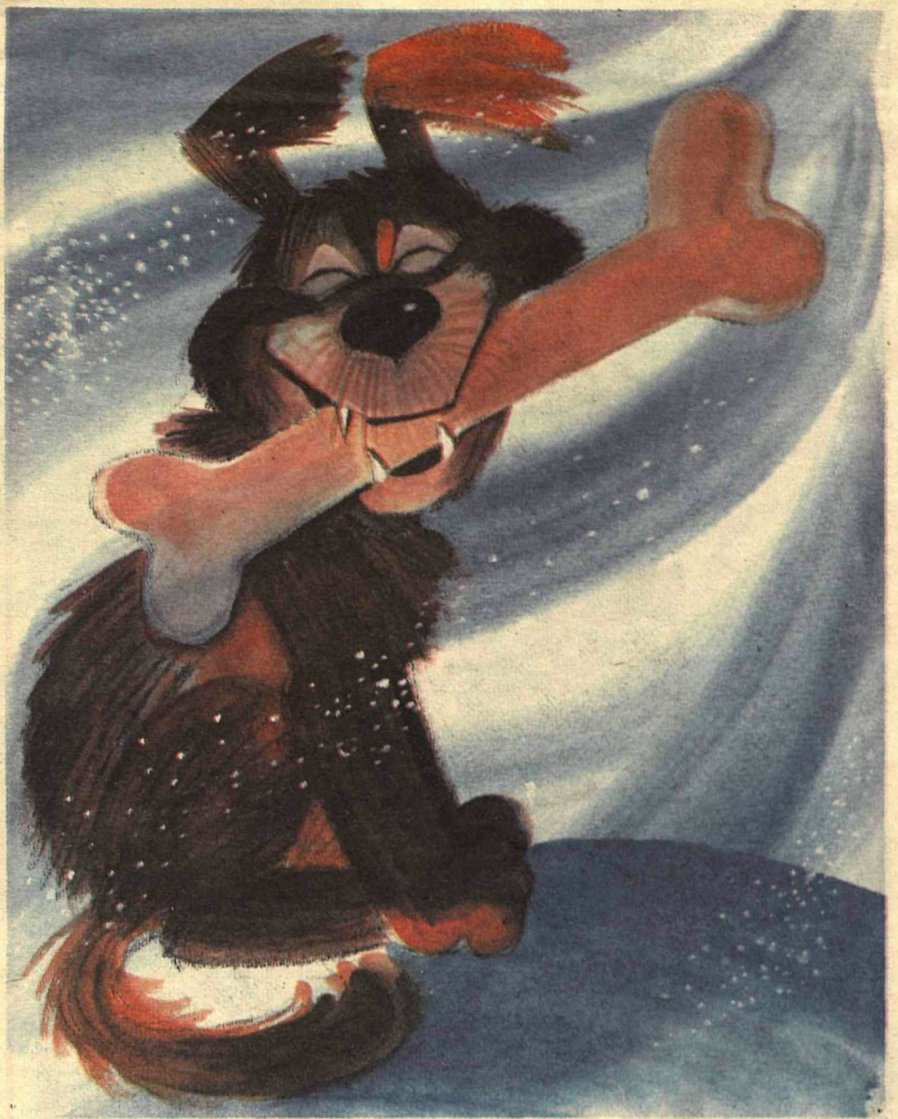
М. КУЗЬМИН, г. Самара.

«У лейтенанта Маркова появилась интимная потребность — квартира. Ведь из-за отсутствия жилплощади им с женой приходилось спать членораздельно».

«Мне уже восьмой десяток, а по-настоящему я еще не жил, некогда было — участвовал на трех фронтах:

1. Отечественная война.
2. Трудовой фронт.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Четырнадцать лет назад художник-крокодилец Виктор ЧИЖИКОВ порадовал планету своим симпатичным Олимпийским Мишей. Думается, что Официальный Представитель Года Собаки, нарисованный сегодня Виктором специально для «Крокодила», вызовет не меньше симпатий.

СОБАКОЛЮБЫ ПРИГЛАШАЮТСЯ НА СТР. 14.

Юрий БЛАГОВ

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Нынче вынуждают обстоятельства
Прежние занятия менять,
Всюду в ход пошло предпринимательство.
Что бы мне такое предпринять?
Я не увлечен торговлей уличной,
Это для поэта не удел,
А вот парикмахерской или булочной
Я бы с удовольствием владел.
Не терял бы вида авантажного,
Говорил клиентам «господа»,
Жалко только, брить пришлось бы каждого,
Я и сам-то бреюсь не всегда.
Выпекал бы булки белоснежные,
Дедушке Филиппову под стать,
Но, чтоб каждым утром были свежими,
Сколько мне часов пришлось бы спать?
Ох, нужны тут воля и терпение,
Знание конъюнктуры, то да се...

Лучше напишу стихотворение
О предпринимательстве — и все.

Владимир АЗАНОВ

МОЛИТВА

Я прошу у Бога —
Помоги немного,
Чтоб жилось богаче,
Веселей и слаще.
Дочке пианино,
Сыну пост министра,
Счастья в жизни —
быстро!
Дачу захотелось.
После смерти рай
Неприменно дай!
Извини за смелость.
Ну а если честно —
Можно и машину.
Уступи мне место.

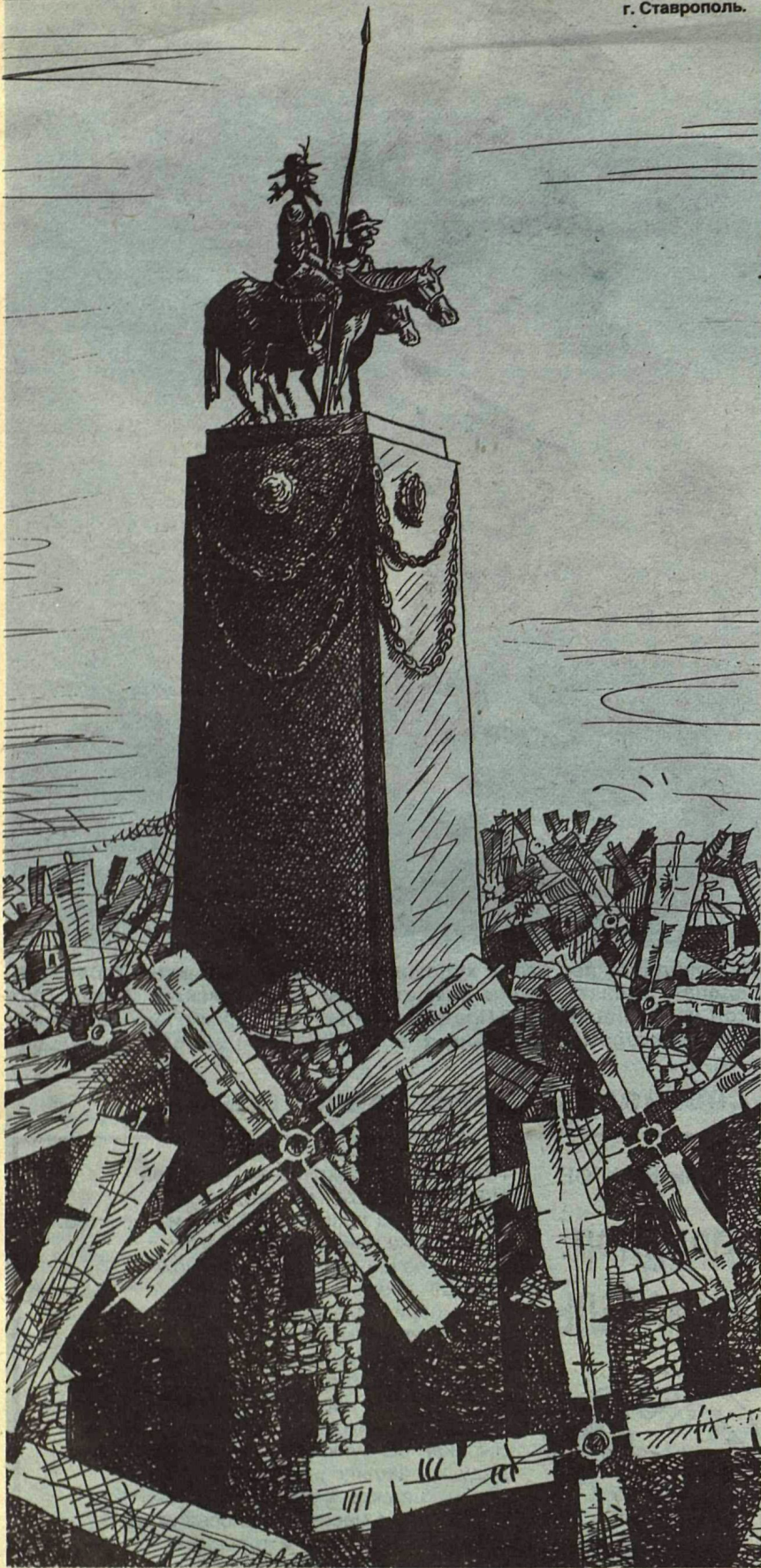
Александр КАЗАНЦЕВ

Как много развелось присяжных патриотов,
Крикливей с каждым днем их каверзная рать.
Как трудно на Руси сегодня делать что-то,
Как просто до пупа при всех рубашку рвать!..

г. Томск.

В. НЕНАШЕВ,
г. Ставрополь.

НАВСТРЕЧУ
ПЕРВОМАЮ

Андрей ВАВРА,
специальный корреспондент
Крокодила

НОГОЙ ПРОМЕЖ НОГ, или Как делаются революции

Так кто же все-таки виноват?

А известно кто — коммерсанты. Конечно — именно те, что разложили в Текстильщиках свои плееры, слаксы, дольчики, амаретты, баунти, туборги и спрайты, а вот спирта с музыкальной кликухой «Рояль» в должном количестве не завезли. В результате человек едет через пол-Москвы в метро, а выйдя наружу, метелит двух милиционеров. Потому что там, где свободно продавался «Рояль», заодно случилась и стычка демонстрантов со стражами порядка. И получается, что гражданин не просто охоч до выпивки, а сознательный идейно-политический борец.

Привожу подробности. Гражданин Митешин*, автослесарь, приняв с утра полтора стакана винного спирта, заскучал,

что переросло в желание срочно навещать стародавнего приятеля с Сивцева Вражка. А чтоб придать визиту смисловую наполненность, Митешин решил прикупить вышеозначенный спирт. Обыскавшись его в родимых Текстильщиках, он и вспомнил слова умных друзей, что «Роялем» круглосуточно можно отовариться в ларьках на Октябрьской площади. Вот туда Митешин и двинулся, предполагая потом Крымским мостом выйти на Пречистенку, а там дальше до приятелева переулка уже рукой подать.

А поскольку этот день по календарю числился 1-м Мая, то, кроме «Рояля», на Октябрьской оказался еще и коммунистический митинг. Впрочем, митингами Митешин не интересовался и никогда на них не ходил. Потому, сунув бутылку в полиэтиленовую сумочку, как и планировал, завернул на Крымский мост. Но тут был остановлен омовцами, перегородившими мост глухой шеренгой.

А и пусть, ничуть не расстроившись, подумал Митешин, мы пойдем другим путем. Но, поскольку майский день был приветлив и половину поставленных на сегодня задач он уже решил (бутылка есть, хотя приятель еще не обнят), Митешин тронулся в путь очень медленно.

Тут как раз все и началось: пришли вести о событиях на площади Гагарина. Пешим строем туда двинулась колонна милиции, вслед поехали спецмашины. Так вот машины-то остальные демонстранты решили не пропускать: высыпали на проезжую часть, перегородив движение. В толпу с уговорами ввинтился милицейский начальник. Но толпа уговоров, конечно же, не слышала. Кто-то ударил по машине кулаком, кто-то уцепился за крыло... В результате один такой цеплявшийся гражданин с седой шевелюрой сорвался. А когда поднялся, оказался с покарябанной бровью — в крови.

Вот тут-то и раздался руководящий крик: «Убийцы!» — и те, кто оказался поблизости от начальника, стали его тыкать и пинать. Митешин тоже истошно закричал, побежал туда, где так интересно развивались события, пробился к начальнику и съездил тому сумочкой с бутылкой по уху. А когда тот пригнулся, съездил еще и по спине. А заодно и какому-то младшему чину с разворота заехал ногой в пах.

В силу своей активности и решительности Митешин был принят за одного из идейных зачинщиков уличного мордобоя. Брали его у приемного покоя больницы, когда Митешин, проехавшись с ветерком на «Скорой помощи» как свидетель «избиения мирных демонстрантов», уже поостыл — перестал ругать власти, не размахивал возбужденно руками и вообще являл собою мирного добродушного гражданина, разве что слегка поддатого.

Вот вам и кооператоры из Текстильщиков!

А в другой истории виноваты власти подмосковного городка. Виноваты в том, что не устроили в городе, к примеру, колесо обозрения. Чтo можно

* Фамилии изменены, поскольку на день подписания номера в печать судебное разбирательство еще не было завершено.

ОЧЕПЯТКИ

- КУРКУЛЯТОР.
- БРАГОРАЗВОДНЫЙ ПРОЦЕСС.
- ХИТРОМЕТЕОЦЕНТР.
- БОЛЬШОЕ ВНЕШНЕЕ СКОТСТВО.
- СИМФОНИЩЕНСКИЙ ОРКЕСТР.

Е. МЕЛЬКОВ, г. Владивосток.

- ССЫЛЬНЫЕ МИРА СЕГО.

Ефим ГРАЙВЕР, Израиль.

- Я ВАС ЛЮБЛЮ ЛЮБОВЬЮ БРУТА, А МОЖЕТ БЫТЬ, ЕЩЕ СИЛЬНЕЙ!
- ИЗ ЖИЗНИ ОТДЫХАЮЩИХ.

Александр БАРАНОВ, г. Кемерово.

«ПАССАЖИР ЗАКАЗАЛ БАГДАД»

В № 1 мы рассказали, как террорист, угрожая бомбой, требовал вернуть самолет на Багдад. Вопрос был такой: как не растерявшаяся стюардесса догадалась, что террорист блефует и никакой бомбы у него нет?

Стюардесса Света специально разыграла обморок, чтобы, когда террорист ее поднимал, послушать — тикает или нет. Не тикало. Значит, или бомбы нет, или часовой механизм испортился.

НЕУДАЧНАЯ ИНСЦЕНИРОВКА

Обычная история: пьянка, а в результате труп.

Подозреваемые, распивавшие с убитым в тот вечер спиртные напитки, горячо доказывали следователю:

— Он, как выпил, озверел и бросился на нас с ножом. Мы попытались нож вырвать, завязалась борьба. Ну, он случайно сам в себя и всадил...

Действительно, лежащий на полу труп сжимал в правой руке нож.

— Так-таки сам в себя

и всадил? — задумчиво произнес следователь, внимательно осматривая покойника. А потом распорядился снять отпечатки пальцев с его обеих рук и со стакана, которым он пользовался.

— Хотя и так все ясно! — объявил следователь. — Парня вы резали, а нож ему потом в руку вложили. Но в спешке допустили маленькую ошибкуку...

Как удалось столь быстро вывести преступников на чистую воду?

было смотреть сверху и видеть: вон Кешка на мотоцикле гоняет, а вон малолетки в песочнице под грибочком обжигаются.

Но поскольку ни колеса, ни какого-нибудь другого развлечения власти города не сотворили, временно не работающим гражданам Шмелеву и Змиевскому, 18 и 24 лет, было скучно. И тогда они надумали съездить в столицу. Там они сели в метро и отправились на бывшую ВДНХ, где съели по паре хот-догов, выпили пива, нагляделись на импортные блиставшие никелем и лаком машины. Снова начала подкатывать скука. И они двинули в центр. На Новом Арбате тыркнулись было в кафе, но уж больно ломовые оказались цены.

Пересекли Садовое кольцо, дошли до Москвы-реки и удивились: а чего это у Белого дома какое-то оцепление, а за ним народ толпится?

Подошли поближе, затесались в толпу. Из разговоров поняли, что тут идут крутые дела. Усатый мужик в камуфляже их окликнул — надо было помочь перенести мусорный бак на баррикаду. И пока они вместе его тащили, он им быстренько объяснил что к чему:

— Россию, суки, продали! На Конституцию нас...ли! Америке ж... лжгут! Вешать всех надо!.. — И предложил: — Ребята вы крепкие, нам такие нужны. Айда записываться в охрану Белого дома!

Вечерок сулил неслабое развлечение.

А что, подумали Шмелев со Змиевским, и айда. Записываясь, поинтересовались:

— Чего надо будет делать?
— Скорее всего с ментами биться.
— И оружие дадут? — с восторгом прошептал Змиевский.

— Надо будет — дадут. А пока идите паек получать!

Шмелев со Змиевским закусили хлявным пайком и ехать домой окончательно раздумали. Дома все равно делать нечего. Здесь же, кроме пайка, будет драчка и защита Конституции.

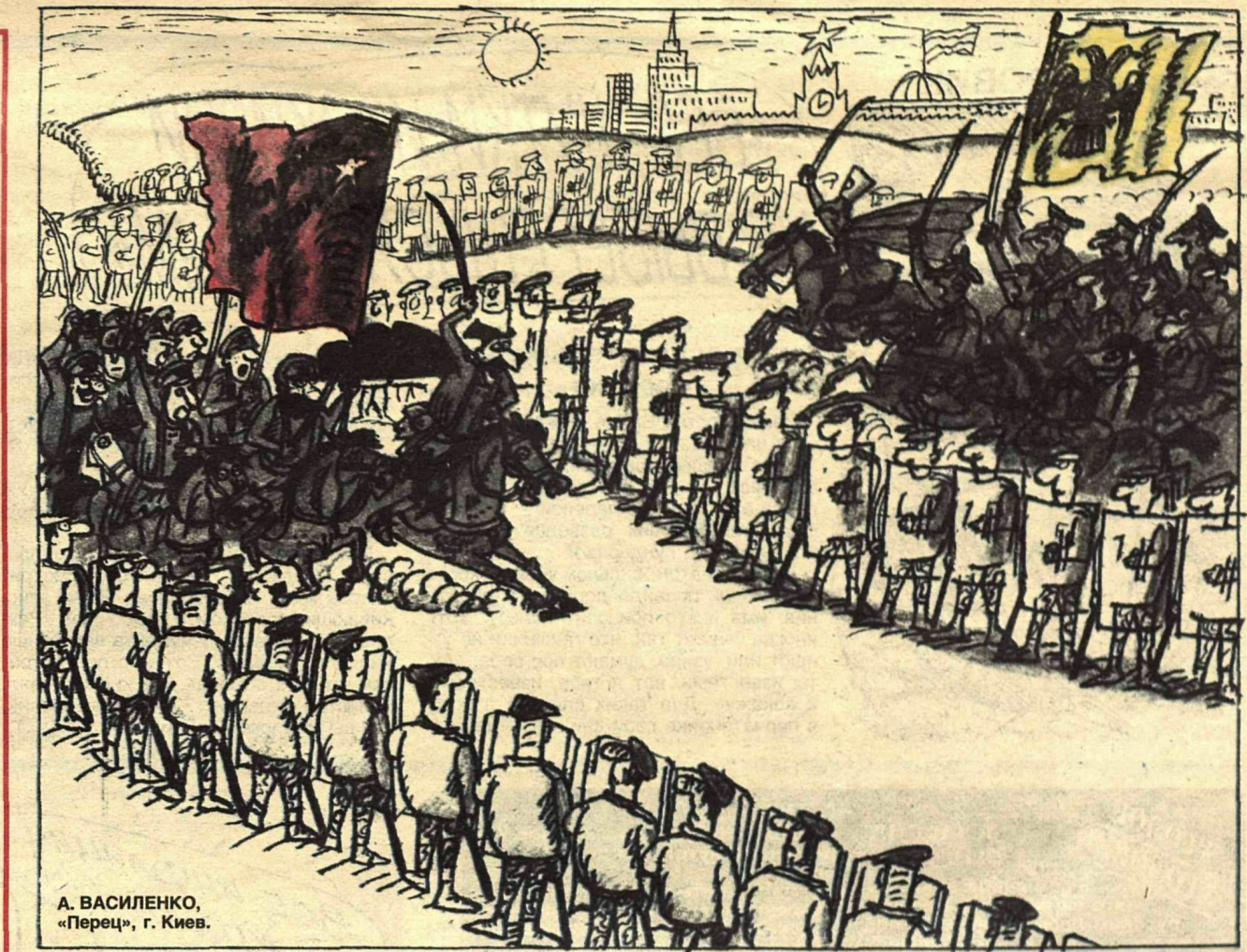
Навсегда запечатлелся в их сердцах штурм мэрии — когда вслед за штурмующей колонной они проникли в здание, били стекла и громили мебель в кабинетах. А когда потом в коридорах БД мимо них стремительно прошагал Ручкой, тогда уж и речи не было, что бросить Конституцию беззащитной...

Кстати, оружия им хоть и не дали, но кое-чем они разжились: Шмелев достался куском арматуры, а Змиевскому достался обрезок водопроводной трубы.

4 октября их отловили в Белом доме. Как они утверждают, стрелять им так и не довелось. А вообще ни в каких партиях они не состоят и никакие политические программы не разделяют.

Вот вам и подмосковные власти!..

Впрочем, неверно это — винить во всем коммерсантов и местное руководство. На самом деле во всех бедах страны виновата ельцинская клика, которая хочет увести Россию с ее особого пути и от выполнения особой исторической миссии. Так разъяснял небольшой кучке людей, собравшихся вскоре после октябрьских событий у музея Ленина, не-

А. ВАСИЛЕНКО,
«Переца», г. Киев.

назвавшийся гражданин. Как оказалось, от «Альфы» он ушел из БД канализационным коллектором. Чем был очень горд.

Вот, думал я, реальные противники демократии. Вровень с ними — жадно алчущие власти, претендентов на которую у нас сегодня в избытке: ведь не успели еще отсидеть на скамье подсудимых обвиняемые по делу ГКЧП — все эти бывшие спикеры, вице-президенты, министры обороны и безопасности, как их уже подталкивают в бок новые спикеры, вице-президенты, а также министры обороны и безопасности из БД: подвиньтесь на скамеечке, дайте и нам присесть! У третьих же «непримиримость» куплена за деньги — это, по сути, наемники.

Все эти люди знали, зачем пришли на площадь. Но, по мнению экспертов, таких в толпе было только 50 процентов. Остальные же народ случайный, абсолютно идейно не определившийся. Вроде наших героев. В жажде власти не замечены, светлого коммунистического прошлого нажить не успели. А уж тем более не обзавелись идейными разногласиями с нынешней властью. Да и денег получить не рассчитывали. Так что встретиться им этот проповедник особого ленинского пути в другой обстановке, они, разумеется, равнодушно бы прошли мимо. Не исключено, что, посмотри он

на них как-то не так, могли бы и морду набить. Но ведь туда же, в оппозицию: кулаками махать, арматурой вооружаться...

Автору, похоже, могут сделать упрек: взявшись изображать антиреформаторов, он подыскал для этого очень уж легкомысленных и легковесных персонажей. И вообще вознамерился окарикатурить серьезные социальные силы. Вот, мол, какая это все дурь и чепуха. Хотя автор в данном случае относится ко всем «анти» чрезвычайно серьезно. Раз они под свои знамена собирают даже случайных прохожих.

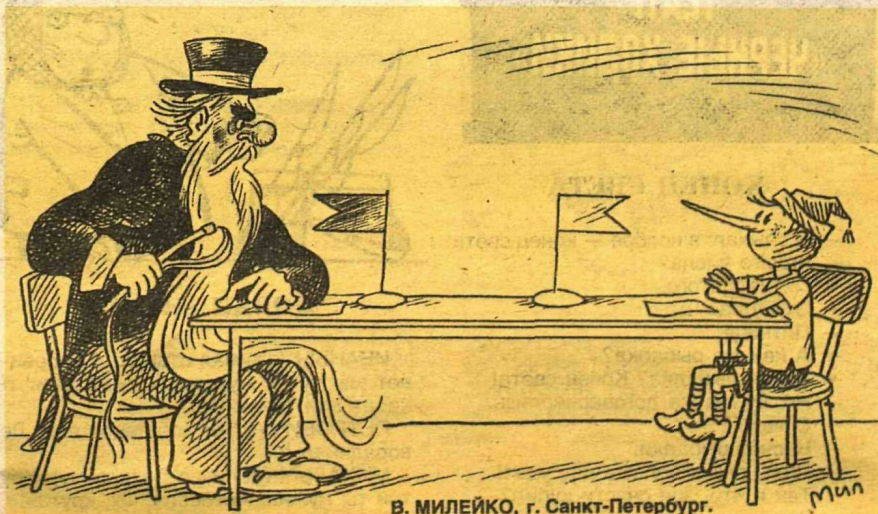
Давайте вспомним, кто откликнулся на телевизионный призыв Гайдара прийти на защиту Моссовета? Были ли в той толпе случайные люди типа нашей троицы? То-то и оно. И практически не могли быть.

Демагоги же легко и свободно обростают солидной массовкой за счет зевак. Прибавившись «к местам исторических событий» стихийным образом, зевки эти слышат зажигательные речи про обездоленных. Собственно, во многом при помощи этого испытанного приемчика ловко обшопал обремененных амбициями демократов на первых наших свободных выборах пламенный Владимир Вольфович. Вот он со всех экранов экстатически взывает к мас-

сам, срывает бинты с гноища. А ведь все верно, думают они, это — про меня! Это мой ребенок лишился отдыха в «Артеке», это я не могу накопить на холодильник, это у меня под окнами «лица кавказской национальности» поставили палатку и жируют. Конечно, власть виновата! Специально по этому поводу не выйдешь демонстрировать с плакатом на площадь. Но вот если другие вышли, орут «бей!» и «долгой!», отчего бы вместе с ними и не покричать, отчего бы и не врезать менту — воплощению этой немелой власти?

Подытожим: без массовки путч бы и вообще затух, не начавшись.

Эти события сегодня вспоминаются потому, что на носу 23 февраля. А там не за горами и 1 Мая — подходящие даты, чтобы фашиствующим националистам и коммуно-патриотам продолжить свои ритуальные беснования. Но на этот раз бешеные, коли урок не пошел впрок, я надеюсь, будут остановлены. Остановлены властью. Что же касается слоняющихся Митешиных — Шмелевых, хорошо бы они поняли: ни погромы, ни тем более братоубийство облегчения жизни не приближат. Напротив — отодвинут. Так стоит ли служить массовкой тем, кто алчет власти, рвется к ее вершинам, не останавливаясь даже перед кровопролитием?!

В. МИЛЕЙКО, г. Санкт-Петербург.

АНЕКДОТ БЕЗ БОРОДЫ

— Наш прокурор знает себе цену!
— В чем это выражается?
— В размерах его взяток.

***

— Что ты делаешь у себя на работе в инвестиционном фонде?
— Ничего.
— Как это?
— Моя задача — распределять дивиденды в случае получения прибыли.

Рассказал Е. СЕМУЖНЫЙ,
г. Брянск.

***

Идет суд. Судья объявляет:
— Подсудимый, вы приговариваетесь к десяти годам лишения свободы.

— Как к десяти? — изумляется тот. — Раньше за это больше трех не давали!
— Что поделаешь — инфляция...

Рассказал А. ДОБРЯНСКИЙ,
г. Енакиево.

***

У винного прилавка шикарная дама долго выбирает белое вино к лососине, красное — к оленине на вертеле, коньяк — к бразильскому кофе и т. п. Когда наконец она закруглилась, стоящий сзади мужик с остервенением потребовал:

— А мне пол-литру калужского розлива. К мойве в томате!

Рассказала Ф. ПОДБЕРЕЗСКАЯ,
г. Москва.

**«БЕЗ ШУТКИ ИЗ ЖИЗНИ
НЕ ВЫБЕРЕШЬСЯ ЖИВЫМ»**

**Просветительская
взятка**

Известность? Вы не можете поцеловать на улице собственную дочь — вам тут же пришьют растление... На одном творческом вечере я сказал хорошие слова о Наташе Гундаревой — и пошел слух, что Боровик развелся с женой и женился на Гундаревой.

А вот на автомобильном уровне, когда нарушаешь правила дорожного движения, имя часто приносит пользу. Хотя иногда бывает так, что гаишники не узнают или, узнав, думают про себя: «Ах, ты известный, вот я тебе, известному, и покажу». Для таких случаев я вожу в перчаточнике свои книжки — не тол-

стые и дорогие, а те, что в свое время 60 копеек стоили. И когда у меня просят права, отвечаю: «Разрешите, я лучше книжечку вам подарю». Это действует. Это не взятка — ну какая взятка в 60 копеек! — просветительская работа. Обычно брошюру берут и говорят: «Уж вы теперь поосторожнее, не нарушайте».

И вот я в очередной раз нарушил правила. Подходит инспектор, смотрит сквозь меня: «Ваши права». Я ему заискивающим голосом, с улыбочкой: «Разрешите, я вместо документа вам лучше книжечку подарю. Вот — с портретом, так что без обмана». Он книжку взял, полистал и говорит: «Товарищ Боровик, эту вы мне уже дарили».

На кого я похож?

Однажды мы с актером и режиссером Евгением Матвеевым сидели в ресторане и обсуждали сценарий фильма, а зади нас выпивала компания работяг, видимо, только что получивших какие-то ордена. Они увидели Матвеева, тогда очень известного актера, подошли: «Разрешите пригласить вас и вашего друга за стол, давайте вместе выпьем». Он говорит: «У нас сейчас дело. С удовольствием сядем с вами, но потом». Через некоторое время снова подходят, немножко уже поддаты: «Евгений Семенович, для нас большая честь видеть вас здесь. Автограф!» «Я вас очень прошу, — отвечает Матвеев, — дайте нам еще полчаса договорить». Третий раз повторяется то же самое. Тогда я оборачиваюсь: «Ну друзья мои, просят же вас!» Работяга смотрит на меня и говорит: «А вас я тоже знаю. Сейчас вспомню... А вы — Андрей Миронов!» Тогда Андрей был еще жив, так что я за его счет выпил граммов полтораста водки.

Идиотизм секретности

Поступая в МГИМО, мы заполняли анкету. В ней было — надеюсь, сейчас та-

**УГОЛОК
УГОЛОВКИ**

**КЛАССИК
БЫЛ ПРАВ**

Еще Лесков доказал, что заграничная техника русским Левшой всегда пострадала будет. И это недавно в очередной раз блестяще подтвердилось.

Перед тремя москвичами стояла головоломная задача: как, имея только обрезок металлической трубы, заполучить престижную иномарку. Оказалось, для этого достаточно просто выйти на дорогу и проголосовать означенным обрезком «мерседесу» российско-австрийского СП. Сложная импортная машина предпочла остановиться и признать поражение. После чего молодцы шофера выкинули, а машину забрали.

Трубу ищут. Как, впрочем, и «мерседес» с молодцами.

**ТОПОРНАЯ
РАБОТА**

Если одни преступники дружат с отдельными сотрудниками милиции, то другие, наоборот, милицию не уважают. Например, некий Шаламов, водитель автотранспортного предприятия в Кировской

области, занеуважал аж целое Управление внутренних дел, на которое полез с топором. Этим топором он стал рубить входную дверь управления и бить стекла. На милицкий голос, строго потребовавший прекратить безобразие, не отреагировал. Зато на стрельбу отреагировал и выронил топор. Поскольку пуля как раз попала в руку. В общем, пить Шаламову надо, безусловно, меньше.

**СВОБОДУ
«МОСКВИЧУ»!**

Как известно, преступники не очень-то мечтают попасть в ИТК — исправительно-трудовую колонию. Исключение — ИТК-29, что в районе Перми, куда преступники как раз стремились попасть. Правда, пока еще не в саму ИТК, а только в ее гараж, расположенный за территорией колонии. А попав, вытащили ножи, пистолеты, заперли сторожа с водителем и угнали «Москвич».

Потому что лагерный «Москвич» ничуть не хуже любого другого. Раз укатить на нем можно так далеко, что преступников разыскивают до сих пор.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

Из цикла

КОНЕЦ СВЕТА

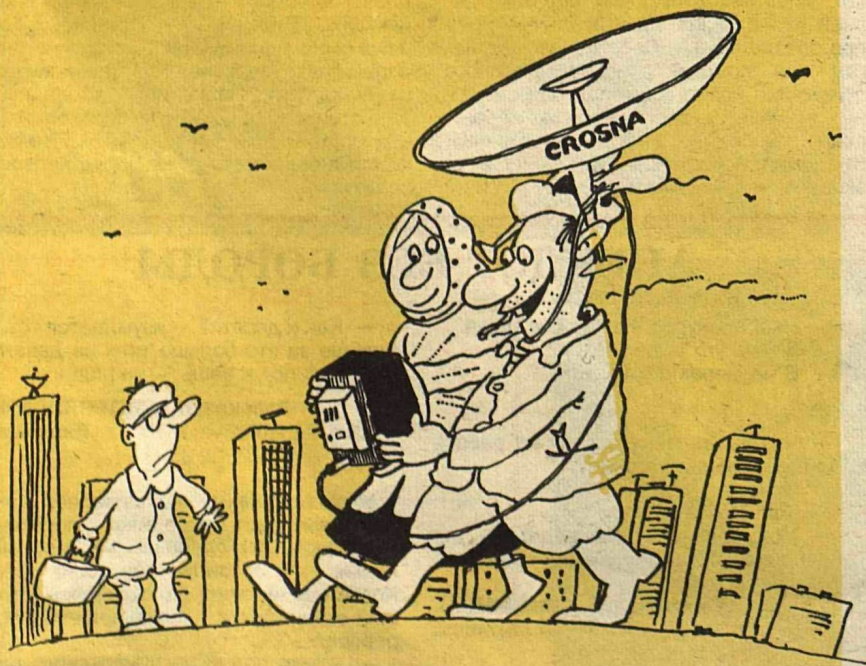
- Я слышал: в ноябре — конец света!
- Какого числа?
- Пятнадцатого.
- Это у нас что?
- Пятница.
- А как же рыбалка?
- Какая рыбалка? Конец света!
- Не, ну мы же договаривались.
- О чем?
- Насчет рыбалки.
- Петя, рыбы больше не будет!
- Так я что, зря снасти купил?
- Зря.

- Не, мы так не договаривались.
- С кем?
- А нельзя перенести на шестнадцатое?
- Кого?
- Ну, конец этот.
- Нельзя!
- Ч-черт... Слушай, тебе снасти не нужны?

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ИВАНЫЧ (сжимая стакан). Петрович, вот мы тут с мужиками помазали: ты кадет али травкинец?
ПЕТРОВИЧ (стуча воблой о стол). Леворадикал я.
МИХАЛЫЧ (доливая Петровичу). Крутой ты мужик, Петрович! Ох, крутой! Занавес.

ких нет, — наверное, 200 вопросов. И кто ваши родственники, и не были ли они репрессированы, и чем вы занимались до 17-го года, и не меняли ли имя, отчество и фамилию. И были они настолько искусно составлены, что, если у вас хоть какой-нибудь проступочек в жизни имелся — скажем, лягушку раздавили, — не смогли бы это скрыть. На вопрос: «Привлекались ли вы к суду?» — вы не могли написать «нет». Требовалось написать: «Нет, к суду я не привлекался». Никак не на машинке — все только собственной рукой. Нас запускали по 10 человек в отдел кадров, и мы часа три заполняли эти анкеты. Вершина же идиотизма заключалась в 201-м вопросе. Как вы думаете, каким он был? «Что вы еще можете дополнительно сообщить о себе?» То есть ежели какой-нибудь мельчайший факт из вашей, конечно же, «преступной», биографии вам все-таки удавалось скрыть в расщелинах между вопросами, то здесь вам не оставялось никакого выхода. И если впоследствии узнавали, что у вас мозоль на левой ягодице, вас вытюривали из института. Но самое смешное и трагическое — мы, ребята 17 лет, и фронтовики, лет на шесть старше, — мы все относились к этому

издевательству не с возмущением, а с трепетом. Мы совершали ритуал, в котором нам виделась государственная мудрость.

В 1961 году я был ответственным секретарем «Огонька». В день, когда нам сказали, что приземлился Гагарин (о дне взлета и времени полета не сообщалось — сообщили, лишь когда стало известно, что все прошло благополучно), приехал фельдъегерь с пакетом. Я оказался единственным начальником в редакции. Вскрываю сургучные печати, а там портрет Гагарина и больше ничего. Тот самый, который этим же днем поместили во все газеты. Но нам-то выходить через неделю! Собираю художников: «Братцы, давайте дадим на развороте крупно портрет Гагарина, а вокруг — космодром, ракету, полет, — как вы это представляете». Никто из них, естественно, на космодrome не был. «Нафанатазируйте, — говорю, — поразим читателя».

Минут через 15 после совещания раздается по вертушке звонок из Главлита: «Генрих, мы слышали, у тебя в следующем номере будут помещены рисунки с космодрома?» «Иван Иванович, — говорю, — с какого космодрома! Я просто призвал художников пофантазировать». «Никто из них не был на космодrome?»

— «Иван Иванович, ну вам же лучше знать!» — «Хорошо, подожди, мы тут посоветуемся». Проходит полчаса, опять звонок: «Генрих, мне поручено тебе передать следующее. Скажи своим художникам: они могут фантазировать на тему одноступенчатой ракеты, двухступенчатой, четырехступенчатой и дальше сколько хотят, но чтобы про трехступенчатую никаких фантазий не было!»

Под одной гребенкой

Был в Доме писателей парикмахер Соломон Тимофеевич. Сажу я однажды у него в кресле, показываю, мол, подстригите вот здесь и вот здесь. А он говорит: «Генрих Авиэзерович, не надо! Я вас не стригу. Я вас рисую!»

А вот просто гениальная история. В Доме писателей есть такой многофункциональный зал: там и ресторан, и панихидная. А в прошлом он служил и местом для разбирательств с негодными писателями. И вот однажды идет панихида по одному из писателей. Заглянул Соломон Тимофеевич в зал, возвращается к себе в каморку и горестно так спрашивает: «Ну почему когда хоронят мертвого писателя — никогда больше десятка человек в зале не

собирается. А когда хоронят живого — не протолкнешься!»

Галоши

Я еще в восьмом классе начал работать в театре электромонтером. А поскольку мужчин не хватало — это был 1944—1945 год, — я выходил в массовках в музыкальных комедиях, опереттах вроде «Сильвы», «Марицы». Фраков тогда было достаточно. Их не крали — по улице во фраке не походишь. Обувь же воровали — не в чем было ходить. А при фраке нужны лаковые штилеты. И те, кто стоял в массовках сзади, надевали, помню, черные галоши. Я был тоже в галошах. Они блестели, как надо.

Самый простой язык

Когда мы с сыном Артемом в 1966 году приехали впервые в Нью-Йорк — Темке было пять лет, — он услышал первый раз в жизни, что все говорят на каком-то другом языке. Темка спрашивает: «Папа, а на каком языке они говорят?» — «На английском». — «А кто их заставляет говорить по-английски? Русский-то гораздо легче».

Записал Феликс ШВЕДОВСКИЙ.

ЗАКАТ ИМПЕРИИ

ПЕРВЫЙ ВАРВАР. Хороший город Рим. Баньки тут классные!

ВТОРОЙ. Разврат это. Эй ты, завернутый! Тебе говорю. Где тут у вас самое главное здание будет?

РИМЛЯНИН. Оно пред вами. Пристанце богов, гордость Рима, Капитолий.

ВТОРОЙ ВАРВАР. Это вот с кумолом?

РИМЛЯНИН. Также с анфиладами. А вам зачем?

ВТОРОЙ ВАРВАР. Ща увидишь. Улюлюкает. Отовсюду набегают несчетно варваров, и они разносят Капитолий по камешку.

РИМЛЯНИН. О боги! Закальвает себя кинжалом.

ПЕРВЫЙ ВАРВАР. Слушай, чего они все так переживают?

ВТОРОЙ (махая рукой). А!.. ПЕРВЫЙ. Хоть бы тогу снял. А то ни себе, ни людям... В баньку идем? Занавес

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

ЭЙНШТЕЙН (идя сквозь толкучку). $E=mc^2!$ (Хочет от счастья.) $E=mc^2!$ МОТЫГИН. Лохматый, баксов нет?

ЭЙНШТЕЙН. Кого? МОТЫГИН. Гринов. ЭЙНШТЕЙН. Простите? МОТЫГИН. Жоржиков! Бенчиков! Зелени!

(Тяжелая пауза.)

МОТЫГИН. Уйди, лохматый! Уйди, не смущай людей! Занавес

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ

Стефан Дуглас (американский политический деятель XIX века) решил сосрить по поводу происхождения президента Авраама Линкольна: «Когда я впервые узнал его, он был содержателем бакалейной лавки. Там продавалось много товара, включая виски и сигары. Мистер Линкольн, — продолжал Дуглас, — был очень хорошим продавцом».

«То, что сказал Дуглас, — поддержал его президент, — истинная правда, джентльмены. Да, я содержал лавку, продавал соль, спички, сигары, а иногда и виски. Я тоже помню, что мистер Дуглас был одним из моих лучших покупателей. Несколько лет я стоял с одной стороны прилавка и продавал виски мистеру Дугласу, который стоял по другую сторону прилавка. Прошло время. Я оставил свою сторону прилавка, а мистер Дуглас, похоже, останется верным своей стороне навсегда. Держись за нее крепче, Дуг!»

ПРОСТО НАДОЕЛ

Однажды Тургенев читал у княгини Мещерской свою повесть «Два

приятеля». После вечера он возвратился домой пешком вместе со своим товарищем по Берлинскому университету. Приятель спросил Ивана Сергеевича, почему сюжет повести неожиданно прерывается гибелью главного персонажа. На что писатель ответил:

— Я нашел героя очень скучным и решил поскорее прервать его жизнь!

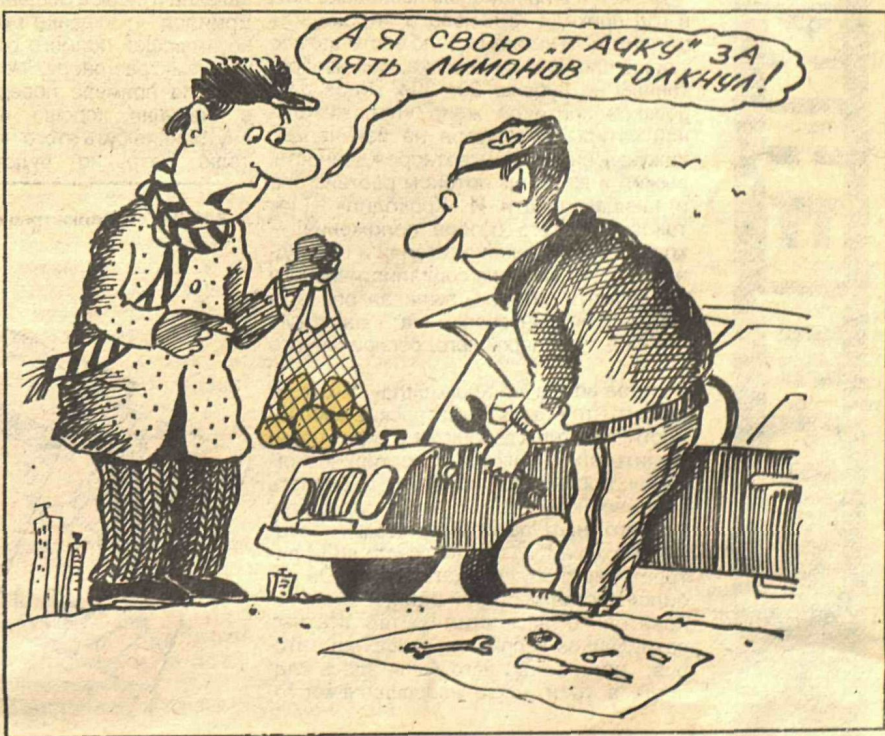
КАЖДОМУ — СВОЕ

Как-то в кабинет к Рубену Симонову, главрежу Вахтанговского театра, ворвались поссорившиеся премьер Астангов и директор театра. Каждый призывал Симонова принять его сторону в споре.

К согласию не пришли, и Астангов хлопнул дверью. Директор же дрожащими руками накапал валидол.

— Чудак, — утешал его Симонов, — ты пойми, он артист, он отыграл на актерской технике и ушел, а ты ведь настоящий валидол принимаешь!

Откопали А. БЕЙЛИН и Н. СТАНИСЛОВСКИЙ, г. Москва.

На этих страницах рисунки только В. ЛУГОВКИНА.

«ЛИТЕРАТУРА — ПРОИЗВОДСТВО ОПАСНОЕ, ПОВРЕДИТЕЛЬНОЕ И ВРЕДНОСТИ ЛИШЬ ИЗГОТОВЛЕНИЮ СВИНЦОВ»

II. 1934—1941 гг.

В августе 1934 года состоялся 1-й съезд советских писателей. На одном из заседаний слово было предоставлено главному редактору «Крокодила». Свою речь Кольцов начал рассказом о ленинградском шофере Мартынове, который похитил у своего товарища шоферскую книжку, забрался в его машину и затем, напившись и прихватив с собой знакомых девиц, стал их катать и наехал на человека, а при составлении милицейского протокола выдал себя за того, чей документ находился в его кармане. И далее, заключил Кольцов свой рассказ, вот что произошло: «Когда эта история выяснилась и преступление раскрылось, в гараже было общее собрание. Одна часть собравшихся требовала немедленно выгнать Мартынова с работы и исключить его из профсоюза. Другая часть требовала не только выгнать с работы и исключить из профсоюза, но и арестовать. А третья, самая кровожадная, часть собрания требовала: «Надо его, Мартынова, отнести к писателю Зощенко, и пусть он с него напишет рассказ».

Зал потонул в хохоте и аплодисментах. Сидевший тут же скромнейший Михаил Михайлович в смущении прятал глаза. Еще никогда его литературно-общественная роль (а именно об этой его роли сказал Кольцов) не удаивалась столь открытого и, судя по реакции «братьев-писателей», такого единодушного признания.

Но Кольцов свою мысль еще не закончил:

«Именно в это время к одному почтенному московскому редактору принесли сатирический рассказ. Он посмотрел и сказал: «Это нам не подходит. Пролетариату смеяться еще рано; пусть смеются наши классовые враги».

Зал снова захохотал. Но уже не так весело. Да и аплодисменты были пожиже. Большую тему затронул Кольцов: рядовые читатели, то есть люди из масс, понимают сатиру, ее очистительный смех как необходимое средство в лечении общественных недугов; чиновники же от литературы, назначенные как бы стоять на страже общественного здоровья, боятся сатиры, принимая ее смех за подковыристый и подрывной, таящий в себе угрозу новым социальным устоям.

Да, как и в прошедшие несколько лет, в год прихода Кольцова в «Крокодил» с «печатным смехом» дело обстояло все так же плохо. И даже хуже. Ибо избранный на рубеже 20—30-х годов рапповской критикой жанр «положительной сатиры», несмотря на изначально кажущуюся его мертворожденность, выжил и широким потоком растекался по страницам печати. И «Крокодил» — уж такое было его особое положение! — ходил здесь в законодателях и проводниках этого «метода социалистического реализма в сатире», выдавая образцы натушно-бодряческого, а зачастую и вовсе пустопорожного, беспричинного смеха.

Встав во главе «Крокодила», Кольцов решил, что его организаторские способности, энергия и авторитет в силах переломить сложившуюся в «сатирическом цехе» постыдную ситуацию и вернуть опороченному жанру исконный статус «самого наступательного, самого атакующего, самого вредоносного вида литературного оружия» (его слова). Он добился отставки старой редколлегии, основательно пошерстил состав штатных сотрудников и привлек в журнал авторов, которые до него были здесь редкими, а то и вовсе непрошенными го-

стями. Чуть ли не в каждом номере Кольцов стал печатать Ильфа и Петрова, Катаева и других истинных мастеров сатиры. И уже кто-то поверил, что взятый новым редактором «Крокодила» достойный тон разговора о разного рода пороках, бедах и неполадках в окружающем человека житье-бытье — результат мудрого повеления свыше.

Но, как говорится, недолго музыка играла. Партию, любившую устами своих вождей поносить «проклятое прошлое» и при этом с удовольствием цитировать Гоголя и Щедрина, совсем не устраивало вдруг оказаться под собственной сатирической стражей. А именно к этому, как представлялось цеховским кураторам партсовпечати, может ее привести не в меру ретиво взявшийся за «обратную перестройку» журнала Кольцов.

И вот мало-помалу стали остужать его пыл. И не только посредством душепагубительных бесед, но и, как говорят сегодня, силовыми методами. Так, после безуспешного сопротивления пришлось Кольцову включить в состав редколлегии В. Ермакова — одного из главных заводил-идеологов печальной памяти РАППа. Именно он, Ермаков, вколачивал последние гвозди в гроб Маяковского, похоронив на страницах «Правды» его сатирическую драму «Баня». И именно он, Ермаков, зло надругался над сатирическим романом Ильфа и Петрова «Золотой теленок». Теперь же, засланный надзирателем в «Крокодил», этот «отъявленный и давний» враг советской сатиры судил и указывал, что для партии печатать вредно, а что полезно.

Словом, уже в первые месяцы своего редакторства Кольцов был опутан плотной сетью из предостережений, рекомендаций, а то и прямых запретов, и объявленная им на писательском съезде программа возрождения сатирической литературы повисла в воздухе. Тем более что ему приходилось часто и порой надолго оставлять свой редакторский пост (командировки за границу и по стране), и, естественно, в эти периоды он лишен был возможности проследить, что попадает на крокодильские полосы. Правда, в журнале оставались члены редколлегии Л. Лагин и Б. Левин — близкие его позиции люди. Но оставался ведь и Ермаков.

С именем Ермакова роковым образом связана и судьба Зощенко. Эта «связка» Ермаков — Зощенко может показаться не имеющей прямого отношения к возникшему разговору. Но это не совсем так. На примере поведения Ермакова с Зощенко хорошо просматривается внутренняя суть этого человека, и читателю нетрудно будет представить,

сколь тягостной была обстановка в журнале, отданном под присмотр этому «неистовому ревнителю пролетарской чистоты» *...

Напечатав в первом мартовском номере «Крокодила» за 1934 год маленький фельетон «Копайте дальше» (еще при Мануильском), в последующих номерах этого года Зощенко не участвовал. Как это было ни огорчительно для Кольцова, ему пришлось разрешить наиболее

В. ЕРМИЛОВ. Шарж И. ИГИНА.

именитому из своих авторов «творческий отпуск» — Зощенко с головой ушел в работу над «Голубой книгой». «Голубая книга» — раздел за разделом — публиковалась в журнале «Красная новь». Редактором этого журнала и был Ермаков.

Сейчас, когда фигура Ермакова усилиями исследователей советской литературы обретает все более соответствующие «оригиналу» зловещие очертания, удивительно читать его письма к Зощенко, относящиеся ко времени прохождения «Голубой книги» через «Красную новь». Вот несколько выдержек из этих писем:

2 февраля 1934 г.: «...позвольте Вас поздравить с очень большой, очень радостной удачей: «Голубая книга» получается превосходной, и если все другие отделы будут не хуже первого, то это будет замечательная работа. Для всего вашего творчества она имеет огромное значение... Очень радостно видеть Вас на самых передовых постах

* Характеристика, данная Ю. Либединским деятелям пролетарского литературного движения.

борьбы...» (Здесь и дальше подчехлено Ермаковым. — Ю.Т.)

Апрель 1935 г.: «...книга превосходна, совершенно «музыкальна» с полной ясностью раскрывает сущность всего этого прекрасного Вашего «приспособления»... Вообще, все здесь, в этой книге о неудачах, очень удачно, талантливо, блестяще, умно. Поздравляю с победой! ...еще раз повторю — превосходно. Вы сделали огромное дело. Общественное его значение очень велико — значение культурное и художественное. Вы сделали огромное дело и по отношению к себе, ко всему Вашему предыдущему творчеству, повернув в новом плане, осветив все Ваше творчество, подняв его на большую высоту. Читатель Вам за все это будет очень благодарен, а у редакции нашей — стоящий праздник...»

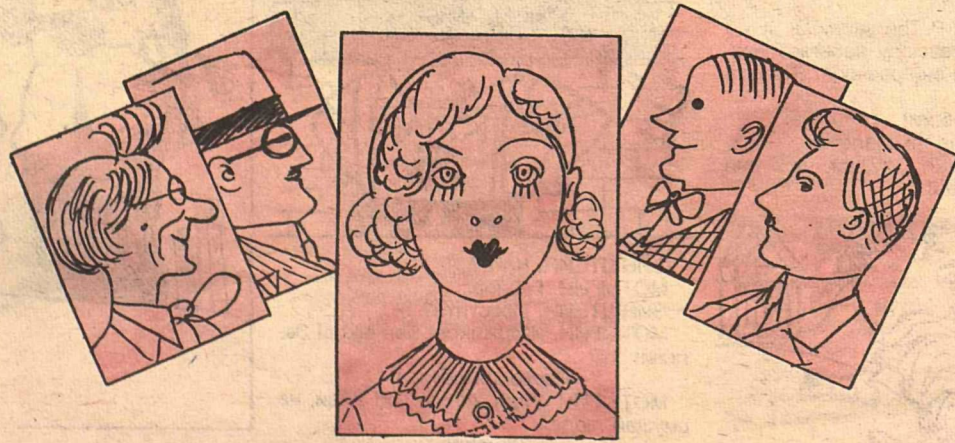
20 августа 1935 г.: «...Ваш диалог с философом блестящ, безукоризнен, это, с моей точки зрения, шедевр сатиры «большого дыхания»... Что же касается до критики «Голубой книги» после того как появится пятая часть, — то можете быть абсолютно уверены в том, что мы сделаем все для того, чтобы поставить, на базе «Голубой книги», весь рост проблеме Вашего творчества и уничтожить окончательно всевозможные легенды и неправильные толкования Вашей работы... Крепко жму, дорогой Михаил Михайлович, Вашу трудовую руку... Ваш, абсолютно Вам преданный В. Ермаков».

Чтение этих писем тем более удивительно, что в их искренность трудно верить. А они... лживы насковозь. Раскаянная похвала уму и таланту Зощенко высказывая ему, критикой не обладалому и по природе бесхитростному, с восхищением его творчеством, Ермаков хитрил. Под шумок одобренных безстенчивой лезть уверений в «абсолютной преданности» он сумел притупить бдительность писателя, уговорив его только сделать длинный ряд существенных поправок и сокращений (идеологического порядка, конечно), не толкаясь из уже сложившейся структуры «Голубой книги» несколько важных «деталей» (рассказ «Западня» и другие), но и переписать «в положительном направлении» концовки многих рассказов известных, по сути дела, классических зощенковских новелл*, что в лом (сегодня со всей ответственностью это можно сказать) нанесло «Голубой книге» непоправимый урон.

Ермаков обещал по выходе в свет «Голубой книги» поставить «во

* «Бедность», «Галоша», «Приятная встреча» и др.

Л. БРОДАТЫ. Иллюстрация к рассказу «Бедная Лиза», 1935 г.

Ю. ГАНФ

Продолжение. Начало в № 1.

РАВНОЕ ПО ЫХ БЕЛИЛ».

Мих. Зощенко

рост проблему» творчества Зощенко «и уничтожить окончательно всевозможные легенды и неправильные толкования» его работы. Ничего подобного сделано не было. А сделал он это (вес его имени в партийных инстанциях был в те годы немалый), вряд ли бы в «Правде» появилась статья, насмерть убившая «Голубую книгу». (Впервые книга была переиздана лишь через тридцать с лишним лет — уже после смерти писателя.)

В 1954 году, когда на Зощенко накатился последний вал безжалостной травли, Ермилов открыл наконец «секрет» своих двадцатилетней давности «любимых посланий» автору «Голубой книги». «Мы Вас любим всерьез», — писал он тогда. А теперь — на вопрос Зощенко, почему он, Ермилов, так высоко ценивший когда-то его работу, принял участие в общем его избиении — написал, что Зощенко «ничего не понял», ибо прошлые его одобрительные слова были неким авансом, попыткой «указать Вам на те стороны Вашего творчества, которые могли вывести Вас на дорогу советской литературы», «выражением борьбы советской общественности за Вас, как за писателя». Поначалу Ермилов сдерживает себя, даже как бы грустит, что его и всей «советской общественности» усилия и надежды не оправдались. Но злая догадка, что Зощенко распознал его черную душу, туманит мозги, и он срывается: он, дескать, столько сил положил, чтобы Зощенко встал «на путь советской, народной сатиры», а тот как был, так и остался на позициях «мещанской, пошло-злупыхательской, антигуманистической, основанной на неуважении к человеку, дешевой лжеискусства, которая связана с присущей Вам безыдейностью и аполитичностью», о чем «наша общественность напомнила Вам устами покойного А. А. Жданова — о Вашем гнилом прошлом, к которому Вы не только вернулись, но которое Вы превзошли неизмеримо большей гнилью».

И т.д. и т.п. — шесть страниц дикой, остервенелой брани. Подобные люди не прощают разоблачения.

Впрочем, довольно о Ермилове. Тем более он был далеко не единственным, кто душил Зощенко, а заодно и всю нашу сатиру. Вспоминать тут каждого — бумаги не хватит...

Итак, с апреля 1934 года имя Зощенко ушло со страниц «Крокодила». Оно появилось вновь лишь в январе 1935-го, притом не подписью под рассказом или фельетоном, а в заголовке: «Случай с Михаилом Зощенко».

Что же это был за случай, о котором шел необходимым поведать читателю «Крокодил»?

Студентка техникума, будучи на пра-

ктике, прочитала со сцены заводского клуба несколько рассказов Зощенко. Тут же ее вызвал секретарь парткома. «Перед рабочей массой выступить с такими рассказами — это преступление», — заявил секретарь, и на следующий день «за дебоширское и вульгарное выступление перед рабочими» девушку отставили от практики и послали в ее техникум соответствующую «телегу».

Вот такой случай. Рассказывая о нем, автор фельетона Г. Рыклин постарался подать этот «мелкий» факт весело и игриво, однако саму его суть никакая игривость скрыть не могла: наступление на сатиру накатывается не только сверху, но и жмет снизу — злым «маленьким» ермиловым, как и «большим», она поперек горла, и этот далеко не случайный «случай» с Зощенко надо расценивать именно так.

Погрустив о судьбе незадачливой практикантки, Г. Рыклин закончил свой фельетон следующими словами: «И все это по вашей вине, уважаемый Михаил Михайлович. Что вы на это скажете?»

Нет, Зощенко на этот вопрос через «Крокодил» не ответил. Но именно в это примерно время он пишет в письме критику Е. Журбиной, что намерен сменить «курс литературного корабля», ибо «смешно думать о настоящей сатире». Он устал от постоянных нападков газетных писак, от «работы» с редакторами, от красного карандаша цензуры и от «сигналов с мест», подобных тому, о котором написал «Крокодил».

Все это правда: ему надоела и опротивела непрекращающаяся возня вокруг его имени. Но есть и другая правда, впрямую связанная с желанием изменить «литературный курс».

Зощенко никогда не был ни злопыхателем (каковым выставляла его нормативная критика), ни внутренним эмигрантом (каковым его видели некоторые наши соотечественники, не по своей воле оказавшиеся за рубежом), ни диссидентом (каковым он кажется кому-то из современных читателей). Как и другие (и многие!) интеллигенты, ставшие свидетелями мясорубки середины 30-х годов, Зощенко, несмотря на творческий вокруг произвол, искал связь с эпохой, верил в прогресс и надеялся, что в конечном итоге все обернется к лучшему и, «быть может, счастье еще озарит нашу горестную жизнь». И вот, под напором заполнявших печать и эфир широковещательных программ «социалистического переустройства общества», все настойчивей стала его посещать мысль, что, может быть, он и в самом деле не прав: может, «для перекорки человеческого материала» мало лишь одного сатирического осмеяния социальных язв и, может, надо искать

в новом государственном устройстве и людях, его осуществляющих, нечто хорошее и противопоставлять это хорошее в них плохому, может, надо учить людей быть хорошими?

Вспоминая Зощенко этих лет, К. И. Чуковский писал: «Он говорил, что ему отвратителен его иронический тон, который так нравился литературным гурманам, что вообще он считает иронию пороком, тяжелой болезнью, от которой ему, писателю, необходимо лечиться».

И Зощенко «лечился». Разоблачительная ирония в его рассказах и фельетонах все заметнее стала сменяться юмором. Все чаще он стал писать «добрые рассказы и повести о добрых людях и добрых делах». И, словно забыв, в чем сила его и слава, стал напрямую проповедовать, разъяснять и учить, как надо жить по чести и совести. Он искренне поверил, что, переименовав таким образом направление своей работы, принесет людям большую пользу, нежели привычным оружием сатиры.

И думал он так не только о своей работе. Осваивая новый для себя жанр, он пытался подвести под свою личную практику некий теоретический базис. Вот что он пишет Л. Ленчу (в «крокодилском молодняке» Л. Ленч был самым заметным из «добрых» авторов), которому отказали в приеме в Союз писателей и который просил Зощенко повторно его рекомендовать: «... В ближайшие дни я пошлю в Президиум Союза свои принципиальные соображения о жанре комического рассказа (и о Вас). Было бы нелепо не признавать этот жанр! Если же этот жанр будет признан, то нет основания Вас не принимать в Союз».

Постараюсь это сделать убедительно. И надеюсь, что Союз заново пересмотрит Ваше заявление... Мне думается, что общие мои соображения будут Союзом приняты... Тем более что юмористическая литература всегда массовая. И повторяю — глупо Союзу от нее отказываться».

Письмо было послано, и Л. Ленч был принят в Союз писателей...

В апреле 1935 года Зощенко напечатал в «Крокодиле» из готовящейся к изданию «Голубой книги» рассказ «Баня и люди», затем, откуда же, еще два рассказа — «Романтическая история» и «Бедная Лиза». И далее пишет уже специально для журнала, с которым возобновляет прерванный договор. По этому договору он был обязан давать материал в каждый номер, и если на первых порах этот непомерный «темп» как-то выдерживался, то в следующем, 1936 году договор был выполнен только на одну треть. Причиной тому была не только физическая усталость и боязнь исхалтуриться (не уверенный в качестве некоторых фельетонов, Зощенко все чаще стал подписываться псевдонимом — Заслуженный деятель М. М. Конопляников-Зуев), но и вдруг вспыхнувшая к нему любовь со стороны тех, кто до того специализировался как раз на обратном — поносил его при каждом удобном случае. «Правда», «Известия» и другие руководящие органы печати, ощутив в Зощенко приятную для них перемену, стали наперебой признаваться ему в лучших чувствах, а по тем

временам, коль тебя захотели столь высокопоставленные особы, отказываться не рекомендовалось.

С «Известиями», куда его завлек сам Бухарин, роман, можно сказать, вполне состоялся: там было опубликовано с десяток зощенковских вещей, и среди них даже такой знаменитый рассказ, как «Огни большого города». А вот связь с «Правдой» обернулась сплошными мучениями. За два с лишним года, в течение которых она пыталась загнать Зощенко под свой каблук, на ее страницах был напечатан лишь один фельетон, а нервов и времени потрачена была уйма. Это легко вычитывается из писем Зощенко заведующему отделом литературы и искусства газеты И. Г. Лежневу: «Посылаю рассказ для «Правды». Быть может, подойдет в октябрьский номер, если нет, то очень прошу Вас передать в «Крокодил», можно через т. Рыклина».

«Сегодня я написал в «Крокодил» нововодный фельетон. И чувствую, что второго фельетона мне сейчас не поднять».

Физическое состояние очень дурное, переутомлен до крайности. Так что я сейчас в «плохой форме», пишу посредственно, надо отдохнуть».

Фельетон, который я послал в «Крокодил», сначала был задуман для «Правды», но работа пошла вяло, и мне показалось, что для «Правды» это не будет пригодно».

Тема, пожалуй, нужная, но выполненный фельетон «по-крокодилски»...

В общем, второго фельетона мне сейчас не написать. В «Крокодил» же я не мог не послать — я и так пропустил два номера».

Весьма смущен, что не выполнил Вашу просьбу. Здоровье нехорошее, и нервы не в порядке. Пишется плохо».

«Я едва сумел написать один фельетон. Я послал его в «Крокодил» с просьбой к тов. Рыклину — решить, куда, по его мнению, больше подходит — в «Крокодил» или в газету».

Мне думается, что для «Правды» он не совсем годится. Я всякий раз бываю не уверен в этом...

Извините, что осложняю это дело...»

«Если мое здоровье будет вполне хорошим, тогда я подошлю в «Правду» 1—2 фельетона».

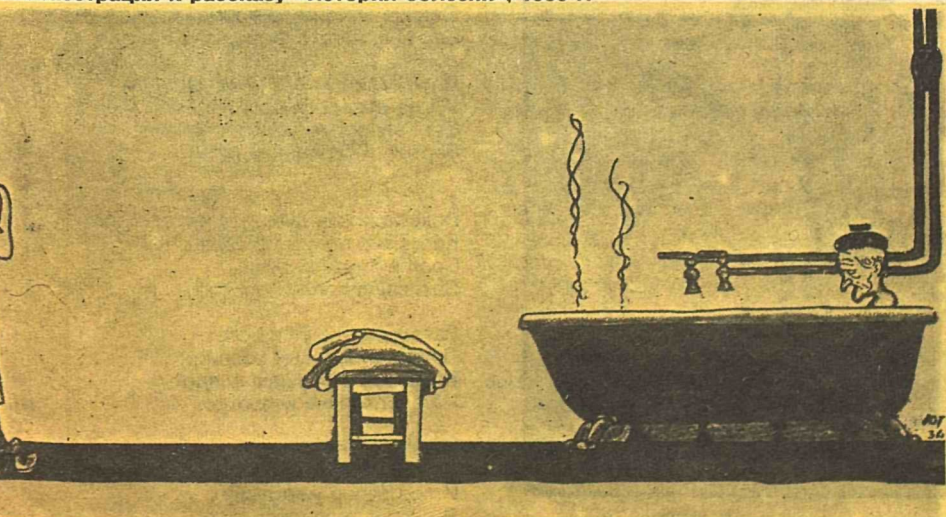
Пока же я не могу прислать даже в «Крокодил» — мой очередной фельетон...

В «Правду» писать нелегко. И в вялом состоянии я не взялся бы за фельетон... весьма мне совестно отказываться от работы, но сейчас иначе не могу, через некоторое время, когда начну работать в «Крокодиле», попробую с ними договориться — из трех фельетонов, что я обязан написать, — один давать в «Правду»...

Если бы Вы знали, как трудна моя работа — Вы были бы ко мне снисходительны».

Писем из «Правды» в архиве Зощенко не сохранилось. Но, судя по его ответам на них, «Правду» не очень-то волновали душевные переживания их автора — терзания, связанные с постоянной за должностью «Крокодилу», жалобы на переутомление и нервные срывы и, наконец, явная растерянность перед высо-

Иллюстрация к рассказу «История болезни», 1936 г.

ким заказчиком, вкус и требования которого он, как ни старался, не мог удовлетворить. В последнем письме в газету Зоценко просил быть к нему снисходительней. Он не решился впрямую просить, чтобы его отпустили.

Его «отпустили» в марте 1938 года. В конце концов, видимо, поняли, что «правдиста» из Зоценко не получится. К этому времени и «Известия» перестали напоминать ему о себе, и до конца года он рассчитался с «Крокодилом».

Казалось, теперь, как говорится, живи и радуйся. Но в декабре был арестован Кольцов. Журнал оказался «под колпаком». Началась, как обычно в подобных случаях, кадровая перетряска. Во главе «Крокодила» встала безымянная «Редколлегия». После состоявшегося в марте 1939 года XVIII съезда партии журнал опубликовал свою «сатирическую программу» («Несколько слов о смехе», № 8), в которой сатирики призывались учиться мастерству у т. Сталина. Предлагалось «зло издеваться» над внешним врагом и беззлобно посмеиваться над изживающими себя отдельными недостатками и нехарактерными на общем фоне строителей социализма фигурами бездельников, волокитчиков и прочих, кто продолжает «дудеть в старую дуду». В заключительном пункте «программы» сатирики клялись, что «журнал вместе со всей страной будет радоваться и весело смеяться, глядя на цветение нашей Родины».

Нет, под такой «программой» Зоценко подписаться не мог. Он уже понял, что его «добрые рассказы» не учат людей быть добрыми. Что разлившиеся по стране злобу и остервенение уже никто и ничто остановить не в силах. И в последние перед войной два года он лишь от случая к случаю печатался в «Крокодиле», отдав практически все рабочее время главному труду своей жизни (так он считал) — повести «Перед восходом солнца».

Позже, когда эта повесть была написана, К. И. Чуковский посетовал: «И что это за странная участь у замечательных русских художников: почему, достигнув своим чудесным искусством всенародного признания и любви, они перестают полагаться на свой художественный дар и жаждут во что бы то ни стало учительствовать? Почему юморист, мастер смеха, вдруг отказывается смеяться и смеяться, отказывается от своей природной литературной манеры и отдает всю душу серьезным проблемам, которые считает наиболее существенными для благополучия и счастья людей?»

Да, Зоценко отказался от того, чем был славен. Но именно этим стремлением — жить и работать «для благополучия и счастья людей» — прежде всего объясняется та резкая перемена в творческом курсе, что произошла с ним в середине 30-х годов. Однако здесь стоит оговориться: последовательно и твердо идти этим выбранным курсом Зоценко не сумел — решительно воспротивился тому природный сатирический дар. Такие напечатанные в «Крокодиле» рассказы, как «История болезни», «На дне», «Водяная феерия», «Спи скорей», «Не пушу», «Опасные связи», «Людоед», «Последняя неприятность», «Поминки» и некоторые другие, ничуть не уступают по силе иронии и обличения общественно-социальных недугов лучшим рассказам 20-х годов.

Все эти рассказы были подписаны к печати Кольцовым. Хотя в отношении этого человека заблуждаться не надо. При всех его разнородных талантах и похвальной профессиональной амбициозности он был до мозга костей коммунист, фанатично преданный, как тогда говорилось, делу Ленина—Сталина. И на нем тоже есть пятна. Но он был умен и знал, что в литературе хорошо, а что плохо. И дело сатиры понимал правильно. За что и остался в истории нашей культуры.

(Продолжение следует.)

Юрий ТОМАШЕВСКИЙ.

АНЕКДОТЫ ПО-ОДЕССКИ

К равнину приходит еврей:
— Ребе, что делать? У меня куры дохнут.

— А чем ты их кормишь?
— Овсом.
— Это плохо. Надо кормить пшеницей.

Через неделю бедняга приходит снова:

— Ребе, куры все равно дохнут!

— А чем ты их поишь?
— Сырой водой.
— Очень плохо. Надо поить кипяченой.

Проходит неделя. Еврей весь в слезах:

— Ребе, куры почти все передохли!

— А в каком курятнике ты их держишь?

— В квадратном.
— Совсем плохо. Надо — в круглом.

Еще через неделю:

— Ребе, все куры сдохли.

— Жаль, — вздыхает раввин. — У меня еще столько хороших идей!..

* * *

Отец-коммерсант спрашивает сына:

— Сколько будет дважды два?

— Шесть, — говорит малыш.
— Неправильно, четыре.
— Я знаю. Но очень хочется поторговаться.

* * *

Приехав в Москву, Яша и Пиня посетили мавзолей и застыли у саркофага. Очередь застопорилась. К друзьям подошел милиционер и сказал:

— Граждане, поскорее отдавайте последний долг и проходите.

— Пиня, ты слышишь? — возмутился Яша. — Оказывается, мы ему что-то еще должны!

* * *

У киоска.
— Дайте мне коробок спичек!
— Не кричите, я не глухая. Вам с фильтром или без?

Собрал Дереник ЕРЕМЯН,
г. Киев.

Э то место всегда было лугом. Но при застое город подступил совсем близко, заслонил девятиэтажками горизонт, и луг переименовали в пустырь.

Ночью на пустыре, за последним в городе бревенчатым домом бабушки Пшеновой, стреляли. Утром чуть свет она вывела туда свою пегую козу на борьбу за высокий удой.

В траве догорала иномарка, а рядом и чуть поодаль лежало шестеро затылков и лиц кавказской национальности.

— Нынче что-то совсем молоденькие... — Бабушка Пшенова удрученно перекрестилась, соображая, какого из сущих богов попросить принять души убиенных, но тут один из лежащих пошевелился.

— Ой, сынок, недострелили тебя! — встрепенулась она, совершив в одном из слов характерное для высших эшелонов власти неверное ударение. Затащить в дом обмякшего полуживого незнакомца оказалось для нее делом получаса, и бабушка Пшенова уложила парня, перебинтовав разорванной в лоскуты простышкой, на кровати в темном чулане.

К полудню на место ночной разборки примчалась с включенными суматошными мигалками милиция в полной омоции.

Потом, спустя время, перед окнами проследовала свадьба.

Пять украшенных лентами и шарами танков с гармонистом на броне прогрозотали по улице, кореза хлипкий асфальт. Последний мощно выхлопнул белесое облако отработанной солярки и остановился.

Ввалившийся без стука танкист в ношеном спортивном костюме под старым армейским ремнем был добродушен и улыбочив.

— Мать, попить есть?
— Вон кружка, сынок, отверни кран-от.

Танкист жадно пил, поверх кружки весело оглядывая комнату.

— А мы, мать, друга женим. Во как! А ты тут одна живешь-то?

— Одна, одна, как не одна!

— Тогда выручи, мамаш. Мы, понимаешь, в соседнем райо... в соседней республике демократию вчера отстаивали. Слыхала, может? По радио или, может, так гукало? Во-от. Так товарища

ракетой контузило. Не взорвалась, зараза, и болванкой-то по башке. Ракеты стали делать, скажу я тебе, мать, — дерьмо, а не ракеты. Позволь, отлежится он у тебя. Мы сейчас после свадьбы в другую ре... В другой район сгоняем, там тоже быстренько демократию отстоим — и заберем его. Мы мигом. Недельку-две, не больше.

— Ну, давайте, Господь с вами.

Евгений ОБУХОВ

— Только, мать, дело деликатное: не наши могут нагрязнить.

— А мы, сынок, его спрячем. Вон подпол у меня. Там свет, кровать. Хорошо там, сухо. Картошку-то я еще в перестройку съела.

Танкист радостно кивнул, высунулся в окно:

— Сашка, давай его сюда! Я договорился!

Парни еще попили воды, рассказали анекдот про президента и, оставив денег («У вас, мать, какие теперь в ходу?»), уехали.

Наступили липкие сумерки. По городским окраинам побежали полутрезвые люди со штaketинами и вдумчиво начали выявлять жидов, коммунистов и демократов.

Тот, кого они выявили неподалеку от дома бабушки Пшеновой, носил по отцу

Андрей ДОБРЫНИН

* * *

Народы боялись репрессий,
Я тоже, бывало, дрожал,
Однако же фигу в кармане,
Как все, наготове держал.

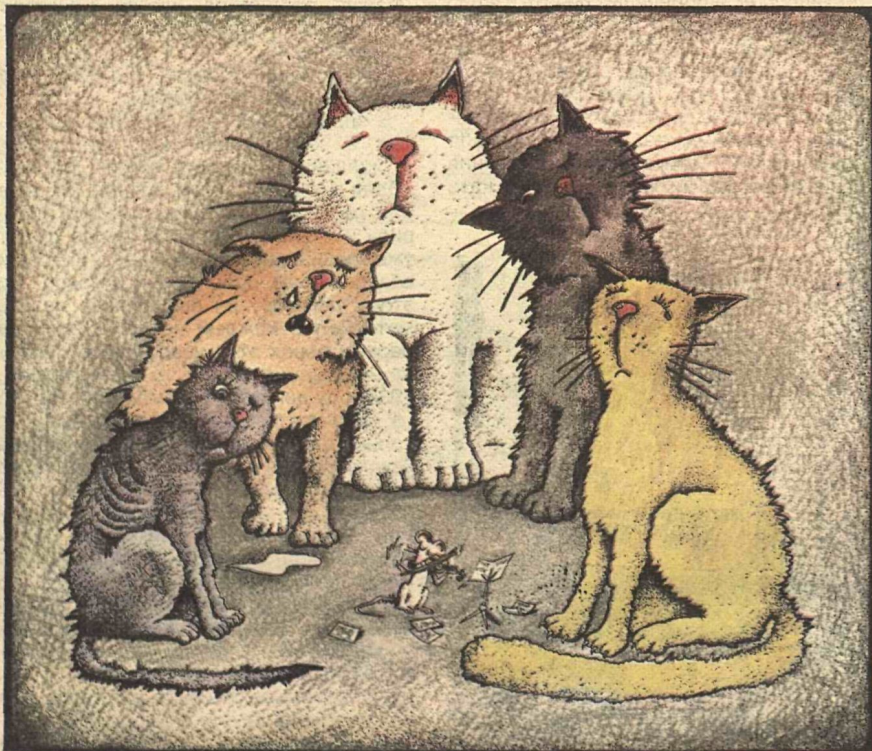
Я счастлив, что с этим народом
И мне довелось пройти
Его непростые дороги
Борьбы и страданий пути!

* * *

Покоится моя душа,
Когда я в полутьме сарая,
Сопя и тяжело дыша,
Поспешно пойло пожираю.

Затем я выхожу на свет,
Прикрыв белесые ресницы,
Всей тяжелой тушкой воздет
На эlegantные копытца.

И семени я по двору,
Уже не чувствуя покоя,
И под забор уже дыру
Я рылом терпеливо рою.

В. КУРТУ, г. Кишинев.

фамилию Иванов, которая и была в свое время записана в партбилете. Перед тем, как окончательно разобраться с Ивановым, полутрезвые люди решили стать совсем нетрезвыми, в эту минуту он и ускользнул.

В темноте бабушка Пшенова помогла ему вползти в калитку и вместе с высушившимся из дровяного сарая экстремистом Пометько, отлеживающимся там

Рассказ

после очередного крупного диспута с идейными противниками, втащила на свободный пока чердак — в тот самый закуток, где еще полсотни лет назад она прятала еврейскую семью от немцев.

Шли дни. Поздними вечерами все вольные и невольные постояльцы собирались за столом. Бабушка Пшенова задергивала полосатые занавески, забирала в щепоть их края и драпируя щелки все до единой. Потом варили нездешние, похожие на червяков, макароны, открывали высокие импортные банки с фаршем из бабкиной гуманитарной помощи.

Выбирался из чулана перебинтованный кавказец, вылезал из подпола танкист, осторожно входил Самуил Иванов, покидал дровяной сарай экстремист Пометько, прокрадывался приюченный ба-

бушкой Пшеновой экономический преступник Юсупов, бежавший из мест отбывания и ожидающий триумфального помилования, появлялся в комнате хранящий на лице вечное недоумение инженер без определенной фамилии, объявленный шпионом и у них, и у нас, бережно приносил на животе свою забинтованную руку беженец Бахрамов, вздрагивающий при каждом стуке, а последним прихрамывал из банки запутавшийся в присягах и за это дважды расстрелянный старший лейтенант.

Все садились за стол, пили маленькими глотками обжигающий чай, вели спокойные, человеческие разговоры.

— Ты мне на воле не попадайся! — вдруг вскидывался старлей на шпиона-разведчика. — Я таких стреляю, как собак...

— Да ладно тебе, не нервничай... — И оба вместе с присоединившимся танкистом принимались толковать о государственном устройстве. Танкисту при этом говорили:

— Такие, как ты, родину-то и прокали...

— И-эх, вот наберемся силенок — всех по фонарям развесим, — мечтал экстремист Пометько.

— Да уж вешали, вешали... — вздыхал Иванов, заботливо подкладывая Пометьке макароны.

— А у тебя фирма или как? — вкрадчиво интересовался кавказец у экономически преступного Юсупова.

— Я частный предприниматель, — гордо набычивался тот.

— ...такой дом разрушить... — шептал Бахрамов, вздрагивая.

Стоял за столом сдержанный, уютный шум. А потом они плотнее сдвигались на лавках, бережно клали руки на плечи друг другу, склонялись головами и пели негромко светлую и протяжную песню «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке...» — задушевными надтреснутыми голосами.

Бабушка Пшенова замирала на табуретке в углу, оглядывала их влажными глазами, негромко вздыхала:

— Эх, сынки, сынки наши...

Спустя пару недель они печально попрощались, выпили бутылку самогонки — давнишнюю, заветную — и разошлись в один вечер кто куда.

Больше она этих людей никогда не видела.

Андрею Добрынину 36 лет. Он окончил экономический факультет Тимирязевской сельхозакадемии и, защитив кандидатскую, в поте лица преподавал политэкономии. Но когда политэкономия социализма дала дуба, Андрей понял всю тщету своей деятельности и пошел развивать рынок: стал главным редактором кооперативного издательства, выпускающего в основном зарубежные детективы.

С детства писал стихи. Причем пародийные, иронические, ёрнические. Стал одним из «куртуазных маньеристов». Печатался в их коллективных сборниках.

Протискаваюсь в огород,
И, разрушительней снаряда,
Чтоб вырыть сочный корнеплод,
Я рылом вспахиваю гряды.

Меня дубиной бьете вы,
Но, с валуном ожившим схожий,
Не поверну я головы,
Лишь передергиваю кожей.

Что мне побои! Лишь тогда
Душа мятежная спокойна,
Когда в нутро мое еда
Свергается бесперебойно.

Весь мир есть только род сырья,
Мне отведенного всецело,
Чтоб мощь телесная моя
Таинственно и грозно зрела.

* * *

Не прядь волос, не лоскуток оборки
Я запах твой храню в своей душе.
Так пахнет, выехав из цеха сборки,
Сверкающий автомобиль «порше».

Вдоль плавных линий всей твоей фигуры
Водил я носом, будто доберман:
Ты пахла, словно новые купюры,
Как крупного банкира чемодан.

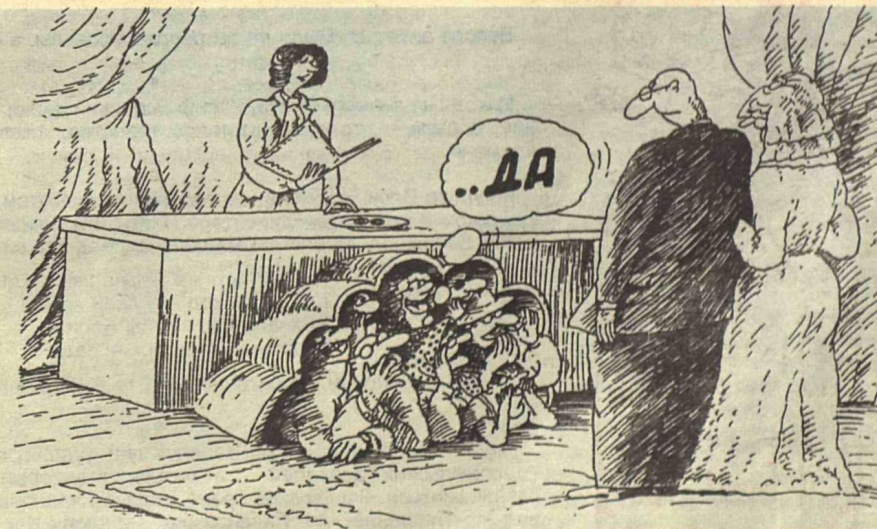
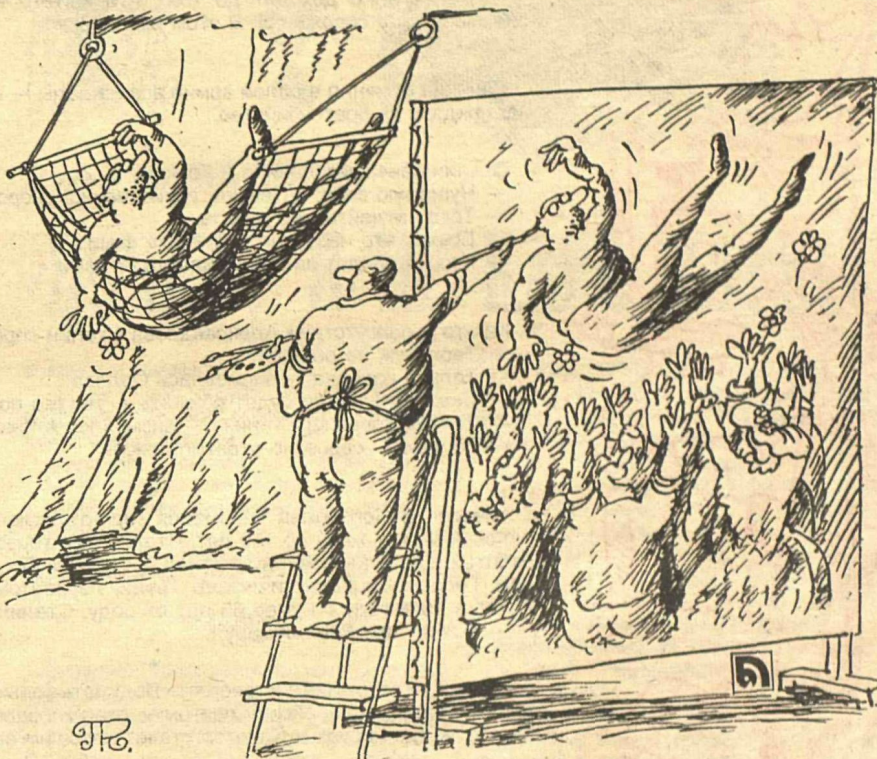
Как итальянский вермут «Риккадонна»,
Благоухали волосы твои.
К их запаху приноживаясь сонно,
Я растворялся в сладком забытии.

Я был твой самый преданный поклонник,
Так чем же я тебе не угодил?
Как видеосистема «Панасоник»,
С тобой всегда я безотказен был.

Теперь во мне, как в доме обветшалом,
Остались только запахи потерь;
Лишь горькой затхлостью, мышиным калом,
Тряпьем лежалым пахну я теперь.

Тебя влечет к бездомным стихоплетам,
Но чем же пахнет, вдумайся, от них?
Лишь табачищем, колбасой и потом,
И водкой, что распили на троих.

Скорей от них очнись, как от кошмара,
Пускай к чертям провалятся они,
И запахи добротного товара
В моих руинах вновь распространи!

П. КУЛИНИЧ, г. Сочи.

Чем удобнее стоять на коленях, тем меньше желания умирать стоя.

Борис ИОСЕЛЕВИЧ, г. Львов.

Все люди были братьями, пока не начали выяснять, кто из них старший.

Борис КРУТИЕР, г. Москва.

КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ XX ВЕКА В АНЕКДОТАХ И МЕМУАРАХ

Не успел «Крокодил» закончить публикацию отрывков из новой книги Ю. Борева «Мифы XX века» (№№ 8, 9, 10 за 1993 г.), как пришло известие: в издательстве «Звонница — МГ» у автора выходит еще одна, аналогичная. Воспользовавшись добрым отношением Юрия Борисовича к нашему журналу, мы попросили фрагменты и из нее. Как видите, получили.

Сталин рассуждал:

— Мой отец был сапожником, и я знаю: пока притрутся новые сапоги, дело доходит до мозолей, а иногда и до крови. Так же и новый строй. Ему возразили:

— Но что это за сапожник, если сделанные им сапоги до крови стирают ноги?! Такого сапожника нужно гнать поганой метлой.

Сталин ответил:

— Когда дело доходит до того, что кого-то надо выметать, метла оказывается у сапожника. В этом весь фокус.

Деникин отменил в белой армии все награды — он считал аморальным награждать за братоубийство.

Сталин навещает Ленина в Горках.

— Чувствую себя, батенька, архискверно, скоро помру.
— Тогда отдайте мне власть.
— Боюсь, что народ не пойдет за вами.
— Кто не пойдет за мной, пойдет за вами.

Как-то в присутствии Александрова Сталин спросил Любовь Орлову:

— Тебя муж не обижает?
— Только изредка, — засмеялась Орлова.
— Скажи ему, если будет обижать — мы его повесим.
— За что, товарищ Сталин? — засмеялся Александров.
— За шею, — серьезно ответил вождь.

Александр Богомолец занимался геронтологией. Он утверждал, что человек может жить до 150 лет. Сталин заинтересованно следил за его работой и не отказывал ни в каких средствах. Богомолец стал академиком, Героем Социалистического Труда, лауреатом Сталинской премии. Когда в 1946 году он умер 65 лет от роду, Сталин сказал:

— Вот жулик. Всех обманул.

Сидит Светлов в ЦДЛ и говорит: «Подумать только. Умер Эмма Казакевич. Был плохим еврейским поэтом — стал хорошим русским писателем. Может, когда-нибудь и Кочетов станет хорошим еврейским поэтом?»

Вопрос анкеты: «Были ли вы репрессированы, а если нет, то почему?»

Исходя из личного опыта, Иосиф Бродский дал оригинальное определение: тюрьма — это недостаток пространства, компенсируемый избытком времени.

Когда-то Блок ухаживал за гимназисткой. Потом она стала известным критиком и клеветником директора Института мировой литературы Анисимова. Беспощадная эпиграмма запечатлела эту ситуацию:

Ах, до чего же жизнь жестока!
Какой восход — какой закат!
Вначале были губы Блока,
Теперь анисимовский зад.

Это не о женском непостоянстве. Это о судьбе нашей интеллигенции.

Во МХАТ пришел новый заведующий художественной частью — из комсомольских деятелей — и разослал актерам приглашение зайти познакомиться. Зашли все, кроме Бориса Ливанова. Заведующий повторил приглашение, но Ливанов не являлся. Как-то они столкнулись в коридоре.

— Товарищ Ливанов, вы получали мое приглашение?
— Получал.
— Почему же вы не зашли?
— Художественное целое не может входить в художественную часть.

На демонстрации инженер кричит из колонны: «Пламенный привет Брежневу! Пламенный привет Сулову! Пламенный привет Гришину! Пламенный привет Черненко!» Служивец спрашивает: «Вы их так любите?» — «Не могу же я кричать: «Чтоб вы все сгорели!»

Потерпел аварию советский самолет. Пассажиры и члены экипажа попали к людоедам. Те собираются их съесть. Командир лайнера обращается к людоедам:

— У вас коллективизация была?
— Нет.
— Культ личности был?
— Нет.
— Так отчего же вы так озверели?

С. КОНДРАТЬЕВ, г. Архангельск.

В. ЗИНОВИК, г. Бахчисарай.

ОПАСНЫЕ

На пляже Ванга-остолоп
Был восхитен обильем траций.
Он начал среди них купаться
И чуть в восторге не утон.

Вл. СОЛОМИН, г. Киев.

Директор наш имел в виду
Послать сотрудника в поездку,
Сотрудник же ответил резко
Насчет оплаты по труду.

Л. ЧАПЫГИН, Московская обл.

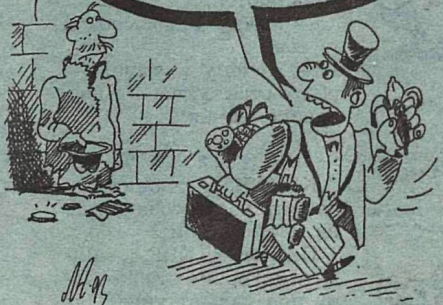
НА КОНКУРС
«ЕЩЕ СМЕЕМСЯ»

МАГАЗИН
«ОКЕАН»

О. ПОМОЧИЛИН, г. Москва.

Мужик,
да не в
деньгах
счастье!

А. ЛЕВИТИН, г. Самара.

Ну, что?
КАКУЮ ЗАРПЛАТУ
ПОЛУЧИЛ?

С НАС ВЗЯЛИ
СЛОВО
НЕРАЗГЛАШЕНИИ
ДОХОДОВ...

РИФМЫ

Опять устроил тут дебош?
Ты что, не знаешь, кого толкаешь?
Зав. клубом все-таки. Выхаживать?
Теперь держись: под суд пойдешь!

А. ГИЛЬМАНОВ, г. Волжский.

ИСТОРИЯ МОЕГО ПСЕВДОНИМА

В середине 60-х годов мы с друзьями учились в МАИ и писали сценки для самодеятельности. А однажды прочитали на 16-й полосе «Литературки», что «Клуб 12 стульев» объявляет конкурс на лучшие юмористические произведения разных жанров. Мы решили всех переплюнуть и сочинили всю страницу — там были и рассказы, и стихи, и «Рога и копыта», и «Бумеранг»... Подписали общим псевдонимом «Измайловы», то есть «из МАИ».

Ну, приходим в редакцию. Там в отделе сатиры и юмора, кроме Веселовского, работали Суслов, Резников и Брайнин. Говорим:

— Здрасьте, мы такие-то. Написали целую полосу на конкурс.

Суслов говорит:
— Вы что, ребята, офонарели?

Я отвечаю:

— Нет, просто погода стояла плохая и делать было нечего.

Суслов сел читать, а Резников говорит:

— Старички, вы напрасно старались: человек не может сразу поднять пятьсот килограммов.

И как в воду глядел: ничего у нас не взяли.

Я на них разозлился и решил напечататься в «Клубе» во что бы то ни стало. Начал носить новые рассказы. И только через год опубликовал крошечную юмореску «Новое о Мата Хари». Под своей настоящей фамилией Поляк.

А чуть позже мы написали рассказ вдвоем с эстрадным артистом Александром Левенбуком (он теперь руководит еврейским театром «Шолом»). Суслов рассказ принял, но сказал:

— Слушайте, берите псевдонимы. А не то мне мое начальство за «пропаганду сионизма» голову откусит.

Я говорю:
— У меня есть псевдоним: Измаилов. Или же Измайлов. Ну а Саша, я боюсь, поменять фамилию не захочет. Из принципа.

Позвонил Левенбуку по телефону, а он говорит:

— Я согласен. Если коммунисты хотят псевдоним, то пусть я буду «Карл Маркс»!

А потом вообще решил рассказ не подписывать. И его напечатали под одной фамилией: Лион Измайлов.

КУЛИНАРНЫЙ ТЕХНИКУМ

В 1969 году в Театре эстрады проходил вечер «Клуба 12 стульев». Я в нем тоже участвовал. Вместе с нами выступал один парень из команды КВН строительного института — никому не известный Гена Хазанов. Мне он очень понравился, и я подумал: хорошо бы для него написать! Ну, подумал и подумал, а потом забыл. Вдруг у меня в квартире звонит телефон:

— Здрасьте, я Гена Хазанов. Не хотели бы вы написать для меня?

Совпадение! Мы, конечно, встретились, и я сочинил текст для его номера «Вечер встречи выпускников», где он изображал разных людей, окончивших кто нефтяной институт, кто медицинский, а кто кулинарный техникум. И последний типаж оказался у Хазанова самым ярким!

С тех пор я как подумаю: «Хорошо бы написать для Хазанова», — он мне тут же звонит: «Напиши, Лион». Телепатия.

МЕСТО ДЛЯ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВА

Однажды Хазанов, Арканов, Иванов, Волович и я выступали в городе Хмельницком. Помню, сидим как-то в ресторане, разговариваем. О чем? Конечно же, о политике — «Как нам обустроить Россию».

— Чтобы подняться до уровня мировой цивилизации, — говорит Иванов, — нас должна завоевать какая-нибудь цивилизованная страна.

А Волович не понял шутки, принял это

Лион ИЗМАЙЛОВ:

«ПОЧЕМУ Я НЕ КАРЛ МАРКС»

всерьез и говорит:
— Ты с ума сошел! Это же война! Надо будет Родину защищать, с винтовкой в окопе сидеть!

Саша ему отвечает на голубом глазу:

— В случае военного конфликта у меня будет единственное место — в плену!

Однако, как показала жизнь, Иванов нашел свое место на передовой...

ЧЕКУШКИ

С группой писателей мы ездили в Англию. Там, в поездке, я познакомился с Владимиром Лакшиным (царство ему небесное). И мы сразу подружились. Я любил слушать его рассказы о Твардовском, Солженицыне, «Новом мире»...

В качестве русских сувениров я привез за границу несколько чекушек коньяка. Но дарить их особенно было некому, и я решил употребить содержимое по прямому назначению. Одному пить скучно, и пришлось приобщить к этому делу Владимира Яковлевича. Чтобы наши жены, которые тоже были в этой поездке, нас не «засекли», мы тайком от них закапывали чекушки в гостиничной кадке с пальмой, а потом, улучив момент, скрывались от супругов и садились в холле. Дальше у нас происходила такая игра.

— Смотри, Лион, — вроде удивлялся Лакшин. — Тут что-то есть.

— Что?

— Как будто шкалик.

— Да не может быть!

— Сам смотри!

Мы выкапывали бутылочку и со смехом ее опорожняли.

А последней из них я вот как распорядился. Были мы на экскурсии в Кембридже. Я поставил чекушку на тропинку, по которой должен был пройти Лакшин, а сам спрятался. Смотрю: идет Владимир Яковлевич, видит бутылочку, останавливается, смотрит — и вдруг как закричит:

— Лион, Лион, сюда!

Я подхожу как ни в чем не бывало и спрашиваю:

— Что случилось?

— Посмотри, — говорит. — Тут какой-то чудак шкалик потерял...

ПОЛМЕШКА СВЕКЛЫ

Вот еще история о непосредственном человеке.

Лет 10 назад Арканов, Дабужский, Городинский, Брайнин и я выступали в Ленинграде. И решили разыграть Борю

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Брайнина, которого очень легко «купить» — он всему верит. Однажды, когда мы завтракали в буфете гостиницы, я Аркана спросил:

— Ну, ты как — поедешь?

Тот, как всегда, неспешно и глубоко-мысленно сказал:

— Надо подумать.

Я говорю:
— Что там думать! Человек дает мешок картошки, мешок свеклы и мешок морковки. Надо брать!

Боре, конечно, интересно:

— Вы о чем, мужики?

Я говорю:
— Да у нас свои дела.

Он не отстает: расскажите да расскажите! Я тогда говорю:

— Тут к нам обратился председатель колхоза из Ленинградской области. Попросил у них выступить. А заплатит продуктами.

Брайнин говорит:
— А как довести?

Аркан ему поясняет:
— Нам доставят на грузовике к отходу «Красной стрелы». А в Москве — на своем горбу!

Боря стал просить:
— Мужики, возьмите и меня в долю.

Я люблю и свеклу, и морковку, а мешок картошки — просто моя мечта детства!

Мы с Аркановым обещали помочь.

В тот же день пошли к нашему питерскому коллеге Городинскому домой играть в карты. И уговорили его позвонить Брайнину в гостиницу от имени председателя колхоза. Тот позвонил и говорит:

— Знаете, у нас с овощами напряженка, картошка кончилась, а морковку погрызли мыши. Можем заплатить только полмешком свеклы. Как, поедете?

Боря говорит:
— Я согласен!

— Ну, тогда пускайтесь в вестибюль, мы за вами пришлем машину.

Он, бедняга, стоял, стоял, но машины не дождался. А когда узнал, что мы его разыграли, жутко на нас обиделся и полгода не разговаривал.

Они, конечно, дописал сценарий.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СО СЦЕНАРИЕМ

Трушкин и я написали сценарий кинокомедии. И ее взялся ставить режиссер Алейников. Но дело в том, что мы сочинили комедию бытовую, а он задумал снять музыкальную. Заказал композитору 20 песен. А поскольку все они в фильме не помещались, то решил сделать 2 серии. И, конечно, дописал сценарий.

Но вот худсовет решил: серия будет только одна. Режиссер, пожалев свой труд и труд композитора, выбросил почти все, что написали мы. Замечательный получился фильм... Роль метрдотеля там играл эстрадный певец Михаил Муромов. Он со знанием дела обходился официантов, чтобы те отстегивали ему чаевые. Мы еще удивлялись: как он вжился в образ! А потом Муромов признался, что когда-то сам работал официантом...

На этой же студии творил другой режиссер по имени Иван. Он ходил и завидовал, что картину снимает Алейников, а не он. И везде у нас за спиной ругал сценарий. Вот однажды стоим мы с Трушкиным в коридоре, и подходит этот самый Иван.

— Как же вам удалось запустить в производство такой плохой сценарий? — говорит.

Трушкин ему отвечает:

— Видишь ли, сценарий плохой, но зато мы взяли хорошего режиссера. А когда напишем хороший сценарий, то возьмем тебя...

КУСОЧКИ СЛАВЫ

Несколько лет назад в Израиле многие выступали — Пугачева, Рязанов, Задорнов... Мне тоже довелось. И вот однажды пошел я в Иерусалиме в магазин. Вдруг какая-то женщина подходит:

— Здравствуйте, а я вас узнала.

Вижу, что у вас трудности с языком. Давайте помогу.

Я, конечно, обрадовался, потому что иврита не знаю. Очень она мне тогда подсобила. А, прощаясь, в ответ на мои благодарности сказала:

— Что вы, что вы! Рада была познакомиться с Михаилом Задорновым!.

А недавно стою у Черемушкинского рынка. Вдруг подходит пацан:

— Дядь, а где я вас видел?

— Да не знаю, — говорю.

— Вы не тут живете?

— Нет.

— А на рынке не торгуете?

— Боже упаси!

— Может, вас по «ящику» показывали?

— Да, показывали.

Он как закричит на весь рынок:

— Ребята, сюда! Здесь мужик героический стоит!

Очевидно, ему казалось, что участвовать в телепередаче — подвиг.

ДЕТСКИЙ ЮМОР

Только что приехал из Нижнего Новгорода. Там во время концерта был такой случай. Я рассказывал со сцены анекдоты, а на первом ряду сидели пацаны и болтали. Я им говорю:

— Может, ребята, вы сюда выйдете и расскажете вместо меня?

И, гляжу, один из них поднимается на сцену.

— Что же, — говорю, — излагай. Только приличный.

— Хорошо, — кивает. — Я детский расскажу. Значит, идет по лесу ежик. И видит, в кустах — ж-па.

У меня от неожиданности язык отнялся. А мальчишка продолжает:

— Ежик ее спрашивает: «Тебя как зовут?» А она отвечает: «Лук-пук». — «А меня, — говорит, — просто ежик». Все.

Надо сказать, что успех у этого анекдота оказался обвальным. Публика веселилась как сумасшедшая. Продолжать концерт было невозможно.

Записал Мих. КАЗОВСКИЙ.

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ СОБАК

Военные доктрины всех стран, как известно, начинаются с утверждения: «Солдат спит — служба идет». Благодарные потомки не забыли подвига гусей, спасших Рим. Подобный же случай произошел с собакой Соатр, жившей в IV в. до н. э. в Коринфе. К городу подкрался неприятель, и Соатр вовремя разбудил безмятежно спавший гарнизон. Враг был отбит, а засони, придя в себя, присвоили псу звание «Защитник и спаситель Коринфа», подтвердив это надписью на серебряном ошейнике, и при жизни воздвигли Соатру памятник.

***

А вот левретка Бише, любимица прусского императора Фридриха I, во время боев прусской армии с австрийцами была захвачена в плен. Ответственная за ее безопасность охрана, видимо, тоже блаженствовала в объятиях Морфея. Разгневанный Фридрих атаковал австрийцев, разбил их и по условиям Дрезденского мира освободил Бише из плена. И ей также был поставлен мраморный памятник. Вот за что только? Возможно, за непокорность врагу...

***

Пудель Дик был известен всему Лондону тем, что на глазах почтеннейшей публики легко и свободно изображал мелом на доске свое имя. В этом искусстве он превосходил людей, поскольку писал одинаково хорошо обеими руками (сказать «лапами» не поворачивается язык).

***

Впрочем, сеттер Арли, принадлежащий дочери писателя Томаса Манна, Элизабет, перещеголял Дика: хозяйка научила его печатать на машинке. Во всяком случае, двадцать букв он знал наизубок и в присутствии корреспондента газеты «Санди таймс» под диктовку напечатал слова: «Хорошая собака», «Глохая собака», «Иди спать» и «Автомобиль» — без единой ошибки!

«Язык мой — друг мой»

Фото А. МАТЮША, г. Минск.

ЛИЦЕМЕРИЕ — ЭТО КОГДА ЧЕЛОВЕК ГОВОРIT, ЧТО ПОКУПАЕТ ЛИВЕРНУЮ КОЛБАСУ ДЛЯ СОБАЧКИ, А САМ ПРИ ЭТОМ ОБЛИЗЫВАЕТСЯ.

ТАКСОМОТОР

В первом номере читатели разгадывали кроссворд, посвященный Году Собаки. Но ведь год — это год, а не месяц. Решив, что негоже так быстро расставаться с собачьей темой, Крокодил на этот раз выудил из своего портфеля соответствующие рисунки и анекдоты «с бородой» и «без», а еще попросил родственную газету «Кот и пес» поучаствовать в подборке. Вторая половина газеты («... и пес»), приветливо помахав хвостом, охотно согласилась и предоставила на суд читателей исторические факты о знаменитых собаках и любопытные фотографии.

А. ГАЛАГАНОВ.

ШАРИКИ

На скамейке в скверике чукча играет с собакой в шахматы. Прохожие удивляются:

— Какая у вас собака умная!

— Почему умная? — обижается чукча. — У нас, однако, ничья!

КЛИЕНТ. Скажите, почему ваша собака так на меня смотрит?

ПАРИКМАХЕР. Видите ли, время от времени на пол падают уши. Она их обожает!

— Гарри, отнеси, пожалуйста, письмо на почту, — просит жена.

— В такую погоду даже собаку не выгоняют на улицу!

— Я и не прошу, чтобы ты брал с собой собаку.

— Выпей это лекарство, — говорит жена мужу.

— Но ведь это лекарство для собаки!

— С тобой ничего не будет, а она посмотрит на тебя и, может быть, тоже выпьет.

К ветеринару пришел мужчина:

— Скажите, а у собаки может быть инфаркт?

— Теоретически, да, — ответил ветеринар. — Но для этого нужно создать собаке человеческие условия.

КРОКОДИЛ

Журнал сатиры и юмора

№ 2 (2758)
февраль 1994

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Алексей ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Наталья БУХАЛЁВА (ответственный секретарь), Борис ЕФИМОВ, Лидия ЖЕСТКОВА, Михаил КАЗОВСКИЙ, Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ (зам. главного редактора), Эдуард ПОЛЯНСКИЙ, Святослав СПАССКИЙ (главный художник).

КАМБИЗ,
Швейцария.

ДРАМЫ

Муж с женой и трехлетним сыном переходят вброд речку. Воды по горло. На середине жена спохватывается:
— Господи! А где наш Пашка?
— Не кричи. Я его спокойно веду за руку.

Врач выписывает больному рецепт:
— Вечером выпейте две капли, а утром, если проснетесь, еще две...

Идет суд по делу об убийстве тещи.
— Подсудимый, расскажите, как было дело.
— Я сидел на кухне и ел апельсин. Шкурка упала, нож тоже. Теща поскользнулась на шкурке и напоролась на нож... И так восемь раз подряд!

Припомнил И. ЖЕРИЙ,
Одесская обл.

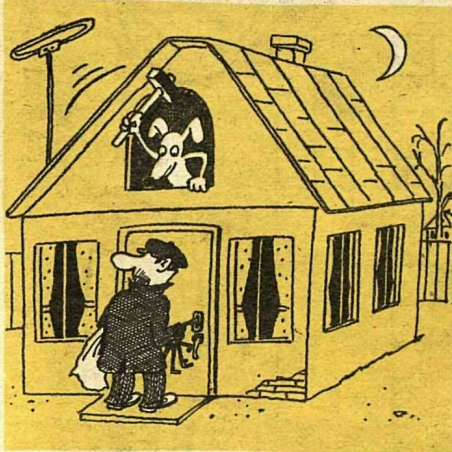
С. КОНДРАТЬЕВ, г. Архангельск.

ПОЭЗИЯ

ПОДАРОК

Подарил мне лучший друг
Новый импортный утюг.
Свой подарок на живот
Ставит мне.
И вот он жжет
Так, что дым уже идет.
Замечательный утюг!
Вот что значит лучший друг!

Анатолий ЧУХИН,
г. Москва.

В. ЛУГОВКИН.

ПРОЗА

В. СОЛЯНИК

ГАД

Силыч сделал пальцы биноклем и осмотрел местность. Местность была ровной, без оврагов и холмов. Значит, Плохов в избе, спрятаться ему негде. Силыч туда его и гнал. А уж избу он накануне подготовил! Окна затянул колючей проволокой, погреб заколотил, дымоход забил старыми дровами... Восемь лет! Восемь лет погони! Это что-то да значит.

Силыч поднял тяжелый портфель. В нем два острых ножа: узкий — колоть и широкий — отрезать по кусочкам. Дедушкин наган с двумя патронами — стрельнуть по коленкам. Веревка — подвесить за ноги и гантеля — стукнуть по голове. Молоток — бить по позвоночнику. Серная кислота — выжечь глаза, олово — залить в глотку, пассатижи — выдернуть ногти. Жаль, гранату не достал — взорвать тушу.

Плохов отнял у Силыча все — работу, привилегии, жену... Секретарем горкома должен был стать Силыч. А Плохов подсуетился: кому — дал, кому — капнул, и сам встал у руля. А его сослал на периферию... За такую подлость полагалась высшая мера.

Силыч обвел глазами избу. Вынул молоток и швырнул в печную заслонку. Та оказалась неприделанной и упала.

Вслед за ней выскочили два зубных протеза и вывалились перемазанный сажей Плохов. «А-а, попался, гад!» Силыч пхнул его в брюхо, закурил. Праздник. Покруче Октябрьских. Всю перестройку мечтал об этом дне...

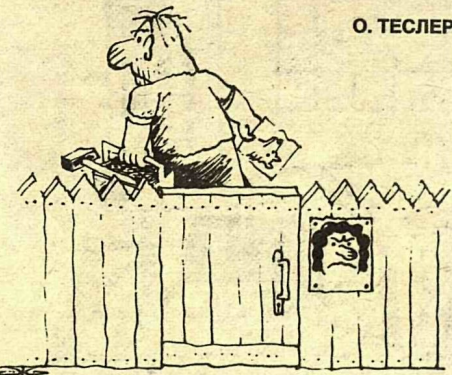
Плохов лежал на боку, шамкал беззубым ртом и бледнел. Вдруг забился, перевернулся на спину и затих.

Силыч даже уронил сигарету. Нет! Только не это! Что же — все зря?! Восемь лет коту под хвост?! Силыч бросился к Плохову и, рванув воротничок, принялся нажимать на грудину. Тот зашевелился. Силыч долго еще растирал его, встряхивал, подбадривал. Наконец Плохов сел, безучастно взглянул на Силыча и сказал:

— Убивай, гад. Не тяни жилы.
— Не убью, — сказал Силыч.
— Почему, гад?

— Потому что ты лишишь меня последней мечты. — Силыч встал, застегнулся. — Как коммунист коммунисту тебе скажу: я тебя найду и отомщу. Ох, как отомщу! Когда найду! — И его глаза загорелись страшной местью. Закрывая дверь, он прошептал: — Дай только найти! Гад!

г. Солнечногорск.

О. ТЕСЛЕР.

**УЛЫБКИ
РАЗНЫХ
ШИРОТ**

СТРОЧКА В ТОЧКУ

Пока лысый выбирал прическу, бал кончился.
Азис НЕСИН.

Если вас хвалят, можете не сомневаться, что вы еще не нашли своего пути, а идете по чьему-то чужому.
НИЦШЕ.

Презрение следует расходовать экономно ввиду большого числа нуждающихся.

ШАТОБРИАН.

Собрал Г. ПОДОЛЬСКИЙ.

— Дорогой, — говорит жена мужу, — у нашей соседки такая же шуба, как у меня.
— Ты хочешь, чтобы я тебе купил другую? — спрашивает муж.
— Уверю тебя, что это будет нам стоить дешевле, чем переехать на новую квартиру.

***
На франко-испанской границе в купе вагона входит таможенник.
— Коньяк? Табак? Наркотики? — спрашивает он.
— Чашечку кофе, пожалуйста, — отвечает турист.

***
В перерыве футбольного матча в кабину радиокomentатора приходит тренер местной команды.
— Послушайте, — говорит он комментатору, — нельзя ли вести репортаж помедленнее? Наши ребята не могут играть с такой скоростью.

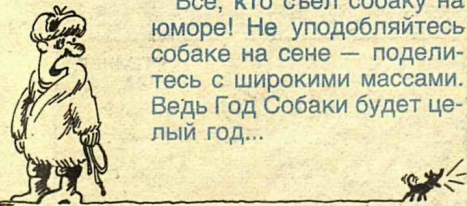
***
Маленький Мартин носится по комнате, вытаскивает ящики из стола, высыпает на пол их содержимое. На дикий шум в комнате вбегает мама:
— Что это ты вытворяешь, негодник?!
— Я играю в «Куда девались ключи от машины?».

И. ЦВЕТКОВ, Болгария.

КРОКОДИЛ ПРИГЛАШАЕТ ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ К УЧАСТИЮ В ЭТОЙ РУБРИКЕ. Присылайте смешные песни фотографии, рисунки, стихи о собаках, забавные случаи, происшедшие с вашими знакомыми Полканами и Жучками, анекдоты — все годится для подборки «ПОСОБАЧИМСЯ, ДРУЗЬЯ!». Так и пометьте на конверте.

Все, кто съел собаку на юморе! Не уподобляйтесь собаке на сене — поделитесь с широкими массами. Ведь Год Собаки будет целый год...

— Белый Клык! Ко мне!

Художественный редактор Диана МАЗУР.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ.

Редакция знакомится со всей поступающей почтой и ведет переписку по мере необходимости. Присланные литературные и изобразительные материалы не рецензируются. Рукописи меньше 2 авторских листов не возвращаются. Перепечатка из «Крокодила» допускается только со ссылкой на журнал и с разрешения редакции.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
фельетонов — 250-46-68, литературы — 250-16-63,
художественного — 250-09-70, распространения — 257-35-47.
Приемная — 257-31-14.

Сдано в набор 20.12.93. Подписано к печати 27.12.93.
Формат бумаги 70 x 108%. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 11,20. Уч.-изд. л. 4,54.

Тираж 226 900 экз. Зак. № 1111.
В розницу цена договорная.

Журнал зарегистрирован Министерством печати и массовой информации России.
Свидетельство № 01535.

Типография издательства «Пресса», 125865, ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© «Крокодил», 1994.

КРОКОДИЛ

№ 2 • 1994

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Иван, друг А. Германа (кинематографич.). 3. Пародист, творческий рост которого налицо. 6. Губернаторское четверостишие. 8. Город, откуда В. Ленин пошел другим путем (зарубежн.). 9. Геометрический атрибут шоу «Обанал!». 12. Муж М. Складовской, который не боялся «засветиться». 14. Соратница тюрьмы по части зарекания. 16. Сапоги-теплицы. 18. Охранник со скважиной. 19. Несчастливая, отсидевшая по вине дедки (сказ.). 20. Коктейль по-русски. 21. Клёпанный мотоциклист. 23. Муж анекдотической Сары. 25. Емкость портвейна, которую царевич предпочел царевне (высоцк.). 28. Предмет, который некоторые употребляют всмятку. 31. Легкая музыка, бывающая тяжелой. 33. Субъект, постоянно срывающий поставки молока (зоологич.). 35. Лошадина закуска. 38. Армянский киноконкурент Робин Гуда (революц.-романтич.). 39. Хозяйка салонов, меняющая пристрастия от сезона к сезону. 41. Любимое гидротехническое сооружение осла Насреддина. 42. Имя человека, сделавшего из зарядки профессию (бизнесергетич.). 43. Летучий рядовой (эскадронн.). 44. Инструмент, нафугованный Бахом. 45. Стратег, сходивший по-маленькому. 46. Костюм, у которого есть, куда поплакаться.

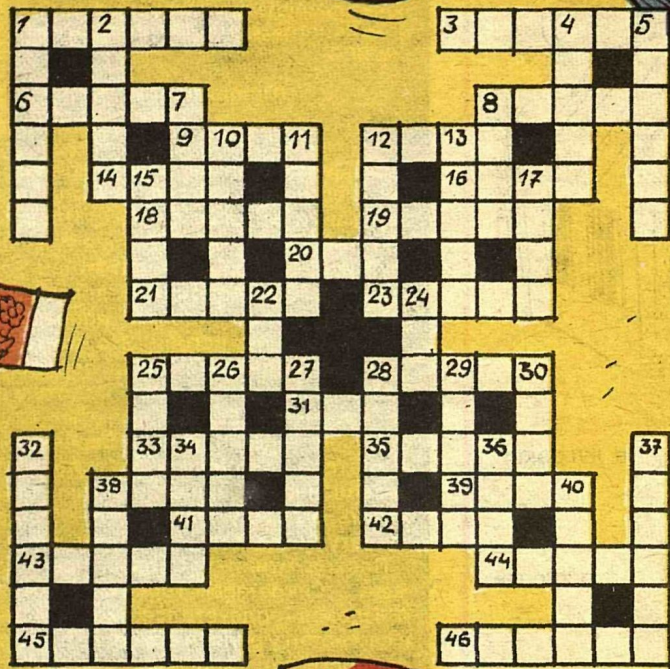
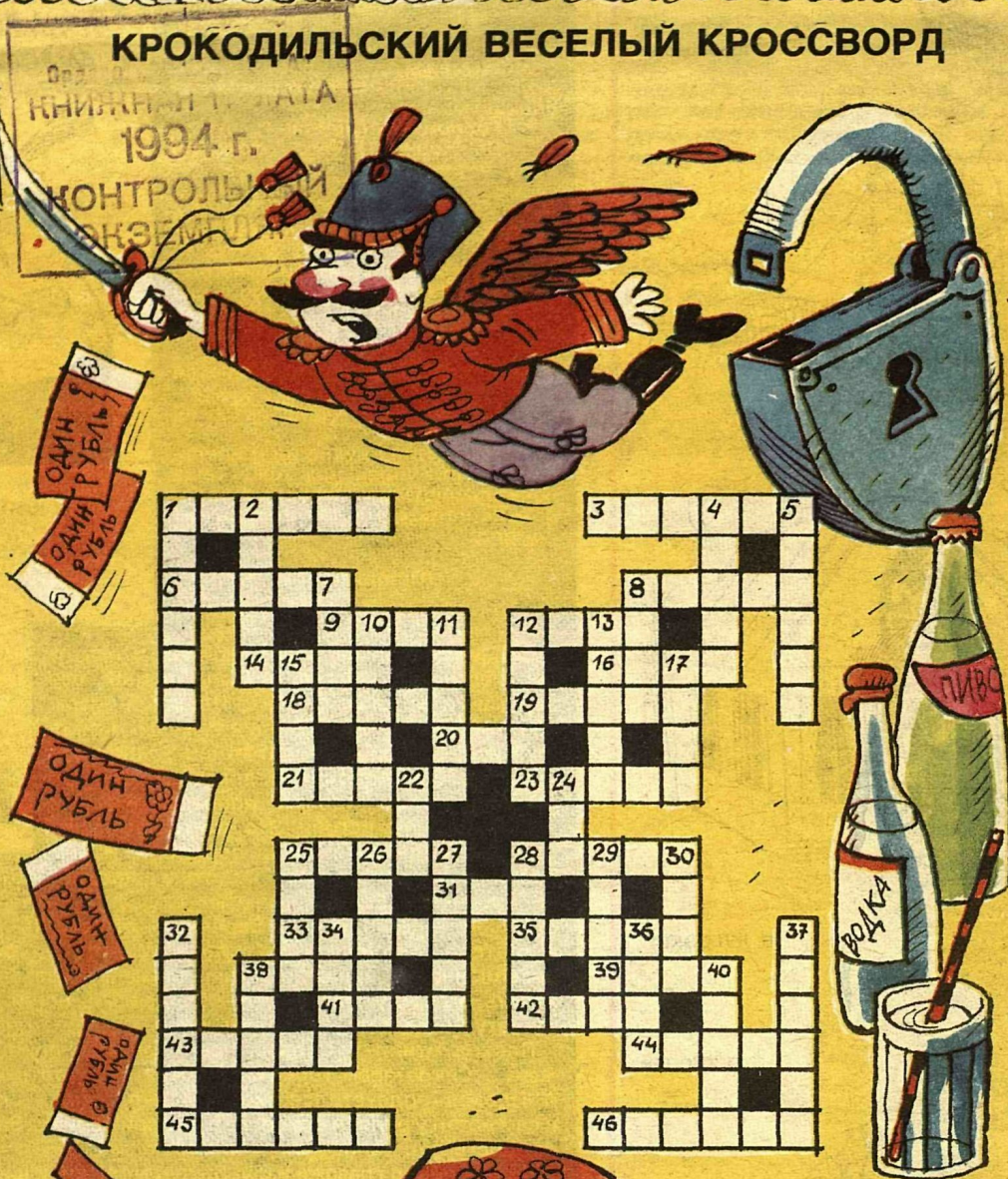
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Место, где концентрируются эзки и пионеры. 2. Яблокораздорщик (миф.). 4. Устройство, с которым на оленях лучше. 5. Изучатель пропусков в развернутом виде. 7. Языковая чесальщица (досуж.). 8. Железный предохранитель (ведерн.). 10. Сетка для ловли отдыхающих на п. 36. 11. Алкогольный напиток, от которого сладко не только на душе, но и во рту. 12. Имя Данилова, у которого скоро сказка сказывалась, но и дело делалось (легендарн.). 13. Простейший матюгальник. 15. Морозное творчество (оконн.). 17. Первый период, отыгранный А. Пахмутовой с Н. Добронравовым (песенн.). 22. Голубая у Мавзолея. 24. Светильник, лезущий на стенку (уютн.). 25. Плохое на детском языке. 26. Глаз да глаз по-военному (караульн.). 27. Средство отличить умных от дураков (окуджавск.). 28. Зеленая, от которой дуреют. 29. Источник зависти кордебалета. 30. Опоэтизированный город. 32. Похудевший бифштекс. 34. Рак для высшего общества. 36. Место на природе, где всем хочется резвиться. 37. Главная составляющая фильма, без которой «кино не будет». 38. Мыльная штука. 40. Царь, у которого лошади погрязли (миф.).

Составил Э. МИШУНИН, г. Олисов.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 1. Акциз. 4. Транспорт. 5. Дача. 7. Пресса. 9. «Баунти». 10. Таблетка. 12. Миска. 13. Кастет. 14. НЛО. 15. Фонарь. 16. Сосиска. 19. Рябов. 20. Полторанин. 22. Миткова. 23. «Ягуар». 26. Клинтон. 28. Нюх. 30. Дивиденд. 32. Преступность. 36. Банк. 37. Эмиграция. 38. Путана. 39. Зюганов. 41. Политэкономия. 45. Италия. 47. Бриффинг. 49. «Членовоз». 53. Протокол. 55. Будка. 56. ОЛБИ. 57. ОМОН. 59. Шарль. 61. Спички. 62. Фермер. 63. Спонсор. 64. Пьяница. 65. Усы. 66. Жучка.

По вертикали: 1. Адрес. 2. Цены. 3. Президент. 5. Дума. 6. Чернобырдин. 8. Фарс. 9. Барбос. 11. Разборки. 13. Кость. 17. Соль. 18. Золото. 21. Инвестиции. 24. Гайдаровцы. 25. Рыжий. 27. Лимон. 29. Хлеб. 31. Доллар. 32. Плетка. 33. Прививка. 34. Дрема. 35. Кинология. 40. Ошейник. 42. Ленин. 43. Курилы. 44. Кремль. 46. Астрология. 48. Кошка. 50. Зябь. 51. Сорос. 52. Экстрасенс. 53. Пиво. 54. Шифрин. 58. Нефть. 60. Рэп. 65. Урна.

WIT of the WORLD

